

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

24
(821)

ГЕОРГИЙ МАРЧИК

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

МОИ БРУТТО И НЕТТО

О себе рассказывать неинтересно. Ну, родился, ну, вырос. Да, вырос. И даже, если говорить откровенно, то уже слегка перерос. За это время много времени потратил впустую, о чем красноречиво говорит разница в балансе — если за брутто (товар вместе с упаковкой) считать прожитые годы, а за нетто (товар в чистом виде — без упаковки) — количество детей (двое) и число вышедших книг (шесть), то нетто окажется в восемь раз меньше, чем брутто. Зато эта книжечка, к удовольствию автора, меняет соотношение брутто и нетто в лучшую сторону.

АВТОР

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 24

ГЕОРГИЙ МАРЧИК

**НЕКРИМИНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ**

Дружеский шарж и рисунки Н. ЛИСОГОРСКОГО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1978

ХУДОЖНИКИ-КРОКОДИЛЬЦЫ

В определенные дни в редакции «Крокодила» собираются художники и темисты. Они здороваются, негромко обмениваются новостями, а потом идут в зал. Часть их усаживается за длинный стол, остальные, кто помоложе, стоят вокруг. Начинается отбор тем для рисунков. Это один из важнейших моментов создания карикатуры. И, пожалуй, одна из лучших крокодилских традиций — коллективный отбор и доводка тем для сатирического рисунка. Конечно, творчество — процесс сугубо индивидуальный и даже интимный, но кому и когда помешала заинтересованная помощь коллег, добрый дружеский совет, меткое замечание? Темы многих карикатур рождаются тут же на месте, они плод коллективных усилий.

Один за другим выходят номера журнала. Неуклонно растет на полках число годовых подшивок журнала. Время ведет свой жесткий отбор. В альбомы попадают лучшие из работ. Так возникает сатирическая летопись эпохи, в которой своеобразными графическими средствами запечатлены ее важнейшие черты и события.

Листаю один из таких альбомов... Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. И вот на карикатуре Д. Моора солдат и рабочий насмешливо предлагают убегающему самодержцу Николаю Романову: «Гражданин, возьмите и корону: она не нужна больше России».

С тех пор не было, пожалуй, ни одного значительного события в жизни страны, на которое не откликнулись бы художники-сатирики.

В силу характера жанра карикатуристы оказались на передовой линии огня. Они стали и бойцами и санитарями молодого рабоче-крестьянского государства, помогали отстаивать завоевания революции, высмеивать ее врагов — ведь смех тоже сражается, ра-зоблачает то, что мешает утверждению социализма, очищает строящийся новый мир от всяческой скверны.

Основные черты новой сатирической графики закладывали такие крупные мастера, как Д. Моор, В. Дени, Бор. Ефимов, И. Малютин, В. Маяковский, М. Черемных, Л. Бродаты, К. Ротов, Н. Радлов, А. Радаков и другие. Они были первыми. Они разрабатывали принципы, искали и находили новые средства для наиболее яркого выражения новых идей.

Социалистическая карикатура утверждала себя не как средство развлечения, легкой щекотки после сытного обеда или мелкотравчатой критики недостатков на потеху обывателя. Нет, она завоевала признание народа, так как шла по столбовой дорожке всего социалистического искусства. Его объектами были враги крупного калибра: сторонники реставрации буржуазного строя, международный капитал и его лакеи — политики и идеологи, внутренняя и внешняя контрреволюция, старая мораль, культура, искусство, философия, старый быт — как продукт эксплуататорского общества, выразитель и защитник его интересов и взглядов на человека.

В 20-е годы в сатирическую графику вливается большой отряд молодых талантливых людей — прошедших школу революции и гражданской войны, первых лет создания нового мира, всем сердцем воспринявших идеи Октября. Они усвоили опыт старших мастеров и обогатили его своим темпераментом, боевым задором и страстью. Это были Кукрыникисы (В. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), А. Каневский, Б. Ефимов, И. Семенов и другие.

Рабочие и крестьяне, красноармейцы и студенты, партийные работники и советские служащие, раскрывая свежие газеты и журналы, искали прежде всего карикатуру — этот острый, как скальпель хирурга, комментарий художника важнейших событий дня. Веселый и едкий рисунок словно луч прожектора высвечивал то, что не замечали другие. И люди сразу узнавали порок, как бы пригвожденный к позорному столбу, смеялись над ним. Но не только смеялись. Карикатура учила ненависти, классовому чутью, звала к действию, к борьбе.

Большое значение для развития сатирической графики имело создание в 1922 году журнала политической сатиры. «Крокодил». Именно он собрал ведущие силы художников-сатириков, стал для них как бы основным полигоном. Художники, объединившиеся вокруг Крокодила, отражали действительность средствами художественной метафоры, гротеска, гиперболы. Но отражали правдиво, правильно, с позиции выражения и защиты интересов народа. Они выезжали на крупнейшие стройки первых пятилеток, туда, где возводили Магнитку и «Ростсельмаш», Харьковский ТЗ, Волгоградский тракторный, где закладывались основы социалистического сельского хозяйства.

Особенностью труда карикатуристов была необходимость немедленно откликаться на текущие события и при высокой оперативности добиваться максимальной выразительности рисунка, исполняя его на уровне требований настоящего искусства.

Когда грянула война, художники-сатирики были вместе со своим народом. Многие из них ушли добровольцами в Действующую армию, были солдатами, офицерами, работали в редакциях

армейских газет. Они сражались и рисовали, и их рисунки были тоже меткими выстрелами в заклятого врага.

Именно в годы войны развернули свою активную творческую деятельность такие талантливые художники, как Евгений Ведерников, Юрий Узбяков, Лев Самойлов, Наум Лисогорский, Борис Пророков, Лев Щеглов, Лео Сойфертис, Марк Абрамов, и многие другие.

После Победы они не спрятали свои палитры, кисти и карандаши. Мирное время требовало новых усилий, ставило новые задачи. Это был период, насыщенный многими событиями. И нет, наверное, такой проблемы, волновавшей советский народ, которая не была бы отражена художниками-графиками.

В послевоенные годы в нелегком жанре карикатуры стали работать многие молодые одаренные художники. Они принимают эстафету своих отцов, старших братьев и товарищей, успешно развивают традиции реалистического искусства карикатуры, адресуясь в своем творчестве к нравственно здоровому восприятию, соучаствуя во всех больших и малых делах со своим народом, кровь от крови и плоть от плоти которого они являются. Это Анатолий Цветков, Юрий Федоров, Марк Вайсборд, Евгений Шукраев, Юрий Черепанов, Герман Огородников, Виктор Чижиков, Михаил Скобелев, Анатолий Елисеев, Андрей Крылов, Галина и Валентин Каразаевы, Владимир Шкарбан, Владимир Жаринин, Владимир Мочалов и многие, многие другие.

В нашей стране художники-карикатуристы окружены уважением и почетом. Ведущим мастерам сатирического цеха Кукрыниксам присвоено звание Героев Социалистического Труда. Им, а также Борису Ефимову, Ивану Семенову, Аминодаву Каневскому и ряду других было присвоено почетное звание народных художников СССР. В Советском Союзе издаются альбомы рисунков художников-сатириков, часто проводятся выставки их работ.

Искусство сатирической графики, как и любое другое искусство, не терпит шаблона и мертвых, застывших форм. Оно развивается и совершенствуется, отражает жизнь и учится у жизни. Идет активный поиск новых выразительных средств, стилей, форм. Каждый художник стремится иметь свою творческую манеру, свое «лицо». Зритель не спутает, скажем, Марка Абрамова и Германа Огородникова, Михаила Скобелева и Юрия Черепанова. По общим у всех них является реалистическое, правдивое отражение жизни в ее графической, подчас парадоксальной форме, стремление не запутать зрителя, а быть максимально понятным для него. Этому искусству чужды трюкачество и заумь. Оно не для единиц-снобов, а для всех. Язык сатирической графики — это образный язык для широких масс.

Мне часто приходится встречаться с художниками-карику-

Народные художники СССР (слева направо) И. Семенов, Куприяны-сы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов), В. Ефимов.

ристами. Как правило, в жизни это очень мягкие, душевные, добрые люди. Но ведь в конечном счете и их творчество полностью и безраздельно служит Добру. О некоторых встречах и беседах с ними я рассказал в заметках, которые публикуются в этой книжке.

КУКРЫНИКСЫ

Не правда ли, есть что-то колючее, задорное и веселое уже в самом имени — Кукрыниксы? В первые годы, когда узнавали, что Кукрыниксы — это не один, а сразу трое художников, изумлялись: такого еще не было. М. Горький один из немногих, кто при встрече с ними в 1931 году не задал обычного вопроса: «А как это делается?» Он оценил другое — не внешнее, не «технику» совместной творческой работы, а новое явление в искусстве. Новым был острый и самобытный взгляд художников на мир. В их руках карикатура становится неотразимо острым оружием.

Как правило, она возникает не умозрительно — «из головы». Тема ее всегда подсказана самой жизнью. Когда Кукрыниксы задумывают что-то изобразить, они глубоко осмысливают тему, психологически решают ее: за каждым рисунком или картиной — горы эскизов, многие часы напряженного труда. Сделанного втроем с лихвой хватало бы и на десятерых. И это при неизменном творческом принципе — доводить каждую вещь до совершенства.

Мы беседуем в общей мастерской художников на улице Горького в Москве.

— Можно ли привыкнуть к славе, не мешает ли она вам? — деликатно спросил ваш корреспондент у маститых академиков, Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской и Государственных премий.

— Мы боимся славы, как огня, — признались Кукрыниксы.

— Почему? — удивился корреспондент.

— Она мешает работать.

Ваш корреспондент не мог побороть искушения и попросил художников рассказать о совместной работе:

— А как все-таки это делается?

— За нашу жизнь создавалось много разных коллективов художников. Но они распадались. Когда художник один, он волен все делать по-своему. А у нас три представления, и каждый предлагает свой вариант. Выбираем лучший. Надо уметь пожертвовать своим самолюбием. Если не согласен — пожалуйста, нарисуй лучше. Горячие творческие споры не кончаются ссорой и разрывом. Если двое сказали «да», третий должен подчиниться. То, что создали мы вместе, не смог бы сделать каждый из нас в отдельности.

За многие годы выработались общие правила, принципы и даже привычки. У нас общая библиотека, общий архив. Хотите взглянуть?

Ваш корреспондент с уважением полистал ежегодные альбомы с вырезками их работ (таких альбомов — пятьдесят!). И пожалел, что не принято издавать полное собрание сочинений художников-карикуристов.

— Кто ваши любимые художники-карикуристы?

— Домье, Лоу, Гульбрансон. Настоящий художник всегда ищет в жизни новое, стремится показать своих «героев» наиболее выразительно. Поэтому художник-карикурист должен уметь хорошо рисовать, знать жизнь. К сожалению, в последнее время карикатура подчас вырождается в примитив, в маленькие, плохо нарисованные символы. Это случается, когда хотят не убедить, а удивить зрителя. Так теряется воспитательный и идейный заряд, большое искусство низводится до абсурда и выкрутасов, а крупные проблемы жизни подменяются анекдотами.

Пользуясь случаем, просим передать наш дружеский привет читателям «Крокодила», с которыми нас связывает давняя дружба.

РИСУЕТ БОРИС ЕФИМОВ

День был таким, как и все другие, — с самого утра заполнен множеством неотложных дел.

Работа над рисунком в журнал, предисловие к альбому художников-сатириков, беседа с молодыми художниками, подготовка к выступлению на телевидении... К слову сказать, это был обычный рабочий день — нормальное в общем-то воскресенье...

А завтра свой круговорот жизни. Рисунок в газету, деловая встреча в Академии художеств СССР, сессия Ленинградского райсовета...

На днях на открытии выставки МОСХа один крупный общественный деятель с некоторым удивлением сказал:

— Позавчера мы встретились на пленуме Моссовета, вчера видел ваш рисунок в «Известиях», сегодня вы здесь... И как вы всюду успеваете?!

— Что делать, — развел руками вездесущий художник, — приходится успевать, если не хочешь отстать...

И при всем при том ему уже минуло три четверти века. Этому просто не веришь, глядя на крепкую, ладную фигуру Б. Е. Ефимова, на его крупное, волевое, словно бы мастерски вырезанное из куска дерева лицо, в его задорно и лукаво светящиеся глаза...

— В чем секрет вашей неувядаемой творческой молодости? — вадал ваш корреспондент свой первый пристрелочный вопрос.

— В движении, в движении...— засмеялся Б. Е. Ефимов.

Дверь в мастерскую, где мы вели беседу, открылась, и на пороге показалась худенькая русая девочка лет семи.

— Дедушка, дай бумагу и фломастеры. Хочу рисовать,— капризно надувая губки, сказала она.

— Внучка?

— Правнучка. Знакомьтесь, Ксаночка. Все мои фломастеры перетаскала...

Борис Ефимович весь светился нежностью и был похож в эту минуту на любящую мать. Ваш корреспондент не преминул сказать об этом.

— Ну, не такой уж я любвеобильный,— улыбнулся художник.— Правда, и у сатириков есть немало того, что они любят. И детей, конечно. Наверное, во имя этой любви они и бывают такими язвительными и непримиримыми.

Ваш корреспондент посчитал, что самое время задать вопрос о том, как рождается карикатура.

— Политическая сатира — особый жанр, которому чужды неясные, отвлеченные переживания и ощущения, подобные, к примеру, тем, которые переживает художник-пейзажист или поэт,— сказал Борис Ефимович.— Карикатура требует максимальной точности. Это похоже на быстрое решение сложной задачи. Представьте, перед художником стоит цель — откликнуться на то или иное событие, явление, факт, по-своему прокомментировать его. Он должен придумать, как художественно более выразительно решить тему. У вас один-два часа. В то же время рисунок должен быть смешным и политически точным. Иногда говорят: «Вдохновение, самовыражение, сверхзадача» — и другие громкие слова. А об этом просто некогда думать...

— Хотелось бы знать ваше мнение о роли карикатуры в жизни нашего общества.

— В нашем быстроразвивающемся обществе, естественно, постоянно повышаются и требования к сатире в целом и сатирическому рисунку в частности. Карикатура — составная часть общественного мнения. Художник-карикатурист формирует вкусы и взгляды людей. Он, как и поэт, по образному выражению Маяковского, «ассенизатор и водовоз» и впередсмотрящий своего общества. Сатира должна идти в ногу с жизнью, быть умной, интересной, изобретательной. Те, кто считает: главное было бы смешно, а как это сделано и о чем рисунок, не столь уж важно, работают вхолостую. Их продукция не оставляет следа ни в уме, ни в сердце. Читатель ждет от настоящей карикатуры нового подхода в оценке фактов и событий, нового узнавания явлений жизни. А когда это есть, тогда и достигается нужный психологический художественный эффект.

— Отдельные молодые художники-карикатуристы отдают предпочтение абстрактному юмору, — сказал ваш корреспондент. — Что вы скажете на этот счет?

— Читатель или зритель не видит художника. Ему безразлично, старый он или молодой. К художнику надо подходить, как это предлагал М. Горький, с точки зрения общественной полезности его труда. Конечно, рисунок может смешить нелепостью. Я не за то, чтобы его изгонять, считать вредным. Но это не основной путь развития карикатуры. У многих наших мастеров-карикатуристов очень смешные рисунки, но в них есть и жизнь, и наблюдательность, и свое отношение к чему-то. Это делается для чего-то, в этом есть мысль, а не натужное желание любой ценой удивить и рассмешить...

Ваш корреспондент с уважением и понятным интересом слушал старого мастера и думал: «Вот говорят — тихая, спокойная старость. Какая чепуха! У настоящего художника не бывает старости. Ему некогда скучать...»

Дверь в мастерскую вновь открылась, вошла Ксаночка с листом бумаги в руках.

— Нужен еще один фломастер? — спросил правнучку Борис Ефимович.

— Нет, дедушка. Тебе телеграмма...

— «Дорогой Борис Ефимович, — прочитал вслух художник. — Президиум Академии художеств СССР сердечно поздравляет Вас с высокой наградой Родины — орденом Ленина. От асей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов...»

ВЫСОТА СМЕХА

Мы мирно беседовали в мастерской Ивана Максимовича Семенова (в дальнейшем в тексте именуемого просто И. М.), а крупный годовалый пес-боксер по кличке Ларсик, поматывая головой, старательно жевал что-то у наших ног.

Оказалось, он сжевал лучший галстук художника. И. М. вытащил из пасти рычащего пса жалкие остатки галстука. По-весеннему синие глаза его светились улыбкой.

— Любите собак? — спросил я.

Вопрос был чисто риторическим. Четвероногий друг человека — один из любимых персонажей И. М., и не просто персонажей, а активно действующих «лиц» многих его рисунков.

— Возможно, это не случайно, — сказал И. М. — Моего прадеда — крепостного пятнадцатилетнего мальчика из-под Воронежа выменяла на пса в 1844 году донская помещица. Но сам я родился и вырос уже в городе Ростове-на-Дону. Ехали мы однажды с мамой из Ростова в Нахичевань (тогда самостоятельный город,

ныне — Пролетарский район Ростова). Их разделяло большое зеленое поле. Мама говорит: «Вот хлеб растет». Я удивленно таращил глазенки (мне было 4 года): «Где хлеб растет?» С тех пор, сколько себя помню, не перестаю удивляться, открывать для себя новое в жизни, в людях...

Интервьюеру оставалось лишь подхватить «мячик»:

— А какими были самые сильные впечатления вашей юности?

— Вырос я в бедности, хотя как-то не замечал ее. Учился урывками. Мальчишкой торговал папиросами. Потом был грузчиком, маляром, землекопом, весовщиком и даже актером. Увлекался спортом. На первенстве Северо-Кавказского края я прыгнул выше всех — стал чемпионом. Иду со стадиона, улыбаюсь во весь рот, прохожие удивляются, оглядываются: «Чего он, чудак, улыбается?!» Это была радость взятой высоты, радость победы. А вскоре — буквально несколько дней спустя — 27 мая 1926 года я ваял еще одну высоту. В областной газете «Молот» была напечатана моя первая карикатура. Трудно с чем-то сравнить чувство, которое я тогда испытал, — это было как рождение первого ребенка. Да, пожалуй, так и было — самые сильные впечатления юности — это радость жизни.

— А теперь, И. М., коснемся профессиональных вопросов. Как вы рисуете? Как работаете? Есть ли у вас какой-то определенный творческий метод?

— Заранее я примерно представляю себе только тему карикатуры. Но еще не знаю, как ее нарисую. Начинаю рисовать, и моя рука, то есть карандаш и бумага строят художественный образ. Как бы мыслят вместе с головой. Все рождается непосредственно в момент работы. Начинаю рисовать, чувствую: нет, не туда пошла рука, не получается. Беру новый лист, рисую заново. Вхожу в психологию типажа. Стараюсь представить его характер, то, как он поведет себя в изображаемой ситуации. Для меня важно не только правильно решить тему, то есть четко выявить в рисунке идею, мысль, но и сделать это оригинально, по-своему, с достаточным мастерством. К сожалению, некоторые молодые художники пренебрегают мастерством. Им важно решить тему, а как это сделано — для них дело второе.

Нужно хорошо знать жизнь и уметь перенести ее на лист. Молодым я любил ездить с альбомом в трамвае. Искал образы, детали, характеры «героев» будущих рисунков. За внешней безобидностью сатирического рисунка скрывается глубокое содержание. Мысль художника определяет направление «удара» каждого его штриха, каждой линии рисунка.

Не сочтите хвастовством такой случай. Как-то в Повороссийске я назвал администратору гостиницы свою фамилию. Стоявший рядом моряк спросил: «Неужели вы тот самый Семенов из

«Крокодила», рисунки которого мы все очень любим?» Я был глубоко тронут. Жить одной жизнью с народом, его радостями и печалью, верно отражать и защищать его интересы — в этом для меня высшая радость творчества, «моя высота». В этом и суть моего творческого метода. Много лет назад в Лондоне на приеме в Академии художеств ко мне подошел один художник: «Мистер Семенов, мы никак не можем понять, что такое социалистический реализм. Объясните нам это как можно понятней». Я говорю: «Видите, вон там моя жена беседует с вашим коллегой? Она реалистическая по форме?» «О, да! Разумеется!» «Так вот, уверяю, что она социалистическая по содержанию»...

— Читатели Крокодила любят ваши рисунки за веселую выдумку, за остроту, массовые композиции, а самое главное за то, что они по-настоящему смешные. Двадцать лет назад Сергей Михалков посвятил вам стих:

Ты мастер брать на полотно
То, что действительно смешно.
А это, скажем между прочим,
Не всем художникам дано.

— Поделитесь секретом, почему у вас получается смешно. От чего это зависит?

— Секрета никакого нет. Все зависит от самого художника, от его видения жизни, его отношения к тому, что он рисует. В жизни я видел и пережил много трудного, страшного, особенно в годы гражданской и Отечественной войн, участником которых был. Но по натуре я оптимист. Пессимист не может рисовать смешное. Чувство смеха, юмора — это свойство восприятия жизни. Оно не у всех одинаково. Так же, как и способность воспроизводить смех. Хотя и то и другое можно, разумеется, в какой-то мере развить в себе.

В целях экономии площади журналист стал задавать сдвоенные вопросы.

— В какое время дня вы любите работать? Всегда ли рисование доставляет вам, И. М., радость?

— Я работаю всегда. И днем и ночью. С одинаковым удовольствием. Мне кажется, я даже во сне рисую. Я устаю только от безделья. Для меня работа — самый лучший отдых. Однажды я сильно порезал стеклом руку. И надо же — в этот самый момент на ум пришла тема веселой карикатуры. Карандаша не оказалось. Стал рисовать прямо раненой рукой.

— А есть ли у вас какой-нибудь любимый девиз, крылатое выражение?

— Да. Это шуточные строки одного моего друга поэта: «Пусть заходит ум за разум в мире неизвестности. Но не дамся двум за-

разам: тусклости и трезвости». Надеюсь, вы понимаете, что слово «трезвость» здесь использовано как метафора.

— Многим будет интересно узнать, о чем вы мечтаете?

— Как у сатирика у меня давняя мечта нарисовать ад и рай. А ко второй мечте—проиллюстрировать басни Ивана Крылова—я уже на полпути. Весь этот год буду делать рисунки к книге басен великого баснописца. Хочу сделать их так, как до меня никто не делал.

— И последний вопрос, И. М. Всегда ли вам самому нравятся ваши рисунки?

— Я никогда не бываю доволен тем, как нарисовал. Не уверен — хорошо ли получилось. Мне всегда кажется, что можно сделать лучше. Последний вариант нарисую — опять недоволен. Готов до бесконечности переделывать. Но деваться некуда — времени больше нет, нужно сдавать рисунок в редакцию.

Интервью окончено. Вместе с Иваном Максимовичем мы вышли на улицу. Яркое мартовское солнце светило в глаза. Художник вел на поводке Ларсика, потом отцепил ремешок. Пес рванулся было вперед, но тут же вернулся, схватил зубами свободный конец поводка и с силой потащил хозяина за собой. Синие глаза И. М., схожие цветом с мартовским небом, улыбались. Это была та мягкая, добрая, неповторимая семеновская улыбка, которая отзывается миллионами улыбок у читателей его таланта.

ЭТОТ НЕУГОМОННЫЙ САМОЙЛОВ

— Я из тех рыболовов,— с предельной откровенностью заявил Лев Самойлов,— кого чаще постигает неудача, чем удача...

Пока я пытался уловить в этих словах скрытый намек на какие-то обстоятельства, имеющие отношение к изобразительному искусству, художник скромно закончил:

— И тем не менее я счастлив на рыбалке: очень люблю природу...— На смуглом острокуюлом лице вспыхнула характерная белозубая самоейловская улыбка.

Вот такой он всегда — Лев Самойлов — искренний, простой, дружелюбный. Горячий полемист. Сразу видно — под большим напряжением живет человек.

Тут пришло самое время задать вопрос:

— Что доставляет вам самую большую радость в жизни?

— Работа,— сказал Л. Самойлов, во всем блеске обнаруживая склонность к философской краткости и афористичности мысли.— Работа. И еще раз работа.

Автор интервью снова ненадолго, но глубоко задумался, как бы примеривая биографию художника к этому откровению, и одобрительно кивнул. (Это означало также, что, с его точки зре-

ния, жизнь и деяния художника вполне соответствуют только что провозглашенной формуле.) Дабы не лишать читателя возможности самому сделать выводы, приведем вкратце вехи биографии художника.

Родился в Ростове спустя несколько месяцев после победы Великого Октября и потому не без основания считает себя ровесником революции. Спустя пятнадцать лет, а именно в 1933 году, уже в Харькове, подавшийся необъяснимому порыву, нарисовал свою первую карикатуру. Внутренний голос властно сказал: «Неси в журнал!» Без колебаний внял ему. И правильно сделал, что подтвердила вся последующая жизнь. Главный редактор «Красного перца» Остап Вишня рисунок одобрил, и он, правда, после многократных переделок — но это уже детали — был напечатан.

Спустя три года Л. Самойлову еще раз повезло: он увидел афишу, извещавшую о том, что объявляется набор в театральную студию драматического театра. На экзамене с пафосом читал монолог деда Щукаря. Экзаменаторы покатывались со смеху. Уж очень курьезно выглядел этот юный дед. И все же, оказалось, старался не зря. Был зачислен в студию и возомнил себя комедийным актером. О святое заблуждение юности! Однако вскоре одумался и почувствовал, что его влечет другая стезя. Она и привела в газету. В 1939-м был призван на флот, попал на легендарную «Аврору», а оттуда был направлен художником в газету «Красный балтийский флот». Началась война. В окруженном фашистами Таллине Л. Самойлов вел в газете созданный им сатирический раздел «Полундра!». 28 августа 1941 года балтийский флот покинул Таллин и пошел на прорыв к Кронштадту. Во время прорыва погибло много боевых друзей Л. Самойлова. Сам он трижды тонул, но всем смертям назло остался жив. Ну, а раз не утонул и не сгорел в огне, то, естественно, продолжал воевать до самого победного конца. Карикатуры Самойлова знали и любили моряки и летчики Балтики. В 1944 году он был принят в Союз художников СССР. В 1946 году демобилизовался, а спустя два года пришел в «Крокодил» и с тех пор его постоянный сотрудник.

За прошедшие годы заметно вырос (в творческом отношении) и немало натворил, что дает нам право подвести кое-какие положительные итоги. Лев Самойлов участвовал более чем в 200 выставках. Оформил десятки книг, сделал сотню плакатов, выпустил 5 альбомов карикатур. Написал две приключенческие повести, множество эпиграмм, пародий, статей о карикатуре. По-прежнему любит театр. Скоро выходит сборник его юмористических рассказов на театральные темы. А главное, полон молодого творческого задора — и это прекрасно! Однако продолжим беседу с художником и снова по старой привычке напрямик спросим:

— Какое качество вы больше всего цените в человеке вообще и в художнике в частности?

— Принципиальность. Самобытность. Художник вправе выбирать любую графическую манеру, но его работа должна быть понятной, нести в себе ясные мысль и чувство, адресоваться к нравственно здоровому восприятию.

В том, что сам Л. Самойлов неукоснительно придерживается этого принципа, читатели «Крокодила» могли не раз убедиться. Его рисунки оригинальны по решению и композиции, лаконичны по цвету, мастерски исполнены. Л. Самойлов умеет графически выразительно решать тему рисунка, как режиссер отлично разрабатывает мизансцены, создает своеобразные характеры и типы. И, наконец, третий и последний вопрос:

— Что вы как художник любите и не любите рисовать?

— Люблю юмор, но рисовать предпочитаю острую политическую карикатуру. Люблю рисовать людей. Для меня в рисунке основное человек, его характер, настроение, жесты, ситуация, одежда. Очень мне по душе жанр изопародии. Не люблю рисовать дома, машины.

В заключение мы от души поздравили Льва Самойлова с присуждением ему на 3-й международной выставке «Сатира в борьбе за мир» Почетной медали Советского Комитета защиты мира «Борцу за мир» и пожелали новых успехов.

ВЕСЕЛЫЙ ВЫДУМЩИК

Каждый раз, когда в продолговатом зале «Крокодила» начинается темное совещание (то есть отбор тем для рисунков) или заседание редколлегии, появляется высокий, худощавый, по-спортивному подтянутый художник — Юрий Андреевич Черепанов, или просто Юра, как зовут его друзья. Он сдержан, скуп в движениях, немногословен, лишь лукаво и озорно поблескивают его карие глаза.

Редко какое темное обходится без него. Ю. Черепанов неистощимый выдумщик. Он из тех немногих, для кого карикатура не хобби, не развлечение, а творчество, жизнь. Она главное, ей без остатка он отдает всего себя. Придумать и нарисовать карикатуру — особый веселый дар, которым владеют очень немногие. Ведь карикатура — это тот же смешной или едкий рассказ, только выраженный средствами графики.

— С чего все началось? — был наш первый вопрос Ю. Черепанову. — Как вы стали художником?

— Теперь уже и не вспомнишь, — сдержанно улыбается Юрий Андреевич. — Я вырос в Ростове, часто ходил на рыбалку. Любил

Вверху (слева направо) художники Л. Самойлов, Ю. Черепанов, Е. Горохов. Внизу поэт А. Тарковский.

рисовать закаты и восходы. Чтобы лучше это делать, поступил в изостудию Дворца пионеров. Едва окончил школу, началась война. Прошел ее от начала до конца радистом в артиллерийской разведке. В свободные часы рисовал. Окончилась война, поехал в Москву. Поступил в архитектурный институт. Правда, без предоставления общежития. А ночевать было негде. Пришлось тайком прокрасться в общежитие. Нашел свободную койку, разделся, лег, блаженствую. Но тут пришла комендантша, убрала матрац. Пришлось спать на голой сетке. Но я не унывал, радовался, что могу спать хоть на сетке. Потом комендантша сжалась, дала матрац, прописала. Ну, как тут было не рисовать, когда появились такие прекрасные условия?!

Вскоре я стал даже сотрудничать, то есть рисовать, в многотиражке «Метростроевец». А после окончания вуза работал в архитектурной мастерской и снова рисовал. Вот так незаметно и стал художником-карикатуристом.

Заметим, кстати, что Юрий Андреевич — один из авторов проектов станций метро «Спортивная» и «ВДНХ», чем он немало гордится.

В быстрых, легких и свободных линиях рисунков Черепанова чувствуются глаз и рука архитектора. Черепанов — мастер рациональной композиции. Ни одна композиция у него не похожа на другую. Рисунок всегда предельно лаконичен и выразителен, смысловое решение очень четкое, точно решена тема.

— Интересно, как рождаются сюжеты для ваших рисунков? Есть какой-то секрет?

— Очевидно, по принципу ассоциаций. Я автомобилист. Однажды у меня отобрали права. Пришлось засесть за «Правила дорожного движения». Пока готовился к их передаче, по привычке рисовал дорожные знаки в юмористических ситуациях. Так появилась книжка «Будем знакомы».

— Что вам больше по душе — юмористический или сатирический рисунок? Что вы особенно любите рисовать?

— И то и другое. Эстрада, скажем, так же нужна, как и опера. А больше всего люблю рисовать для детей, рассказывать в картинках о похождениях шаловливого мальчика Кирюшки...

— Нужно ли вдохновение для создания карикатуры?

— А как же! Без творческого настроения, а это и есть вдохновение, ничего не получится. Если художник, рисуя, не улыбается, не будут улыбаться и те, для кого он рисует. А вообще же упорный труд — это самое лучшее вдохновение. Я уверен, что из любого самого скучного предмета можно извлечь юмор, улыбку. Было бы желание и, конечно, умение.

— И, наконец, последний вопрос. Без него в интервью как-то не обойтись. Поделитесь, пожалуйста, творческими планами.

— Художник-журналист всегда нацелен в будущее. Вот и я все чаще подумываю о серии рисунков «Олимпиада-80», уже начал работать над ней. Тем более что поблизости от моего дома возводится новый олимпийский комплекс. Часто рисую для газет, особенно для «Правды». Так что, если не хочешь отстать от времени, нужно всегда быть в хорошей «спортивной» форме. Рисовать, рисовать, рисовать. И при этом напряженно думать. И не ждать, когда откуда-то с неба к тебе придет вдохновение.

ЕГОР ГОРОХОВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ

Вначале представим его читателям: Егор Горохов (в тексте Е. Г.) среднего роста, стройный, слегка рыжеватый шатен, носит длинные чумацкие усики, а также очки в металлической оправе, а также костюм бежевого цвета в хорошем состоянии ценой 88 рублей, а также папку с рисунками и какую-то картонную трубку (что он в ней носит, никому не известно). Выглядит на 10 лет моложе своих 50 лет, поэтому охотно откликается (даже если зовут не его) на обращение: «Молодой человек». Характер незлобивый, но пылкий. Любит порассуждать. Хороший товарищ. Устойчив. Не курит. Не пьет... гм, гм... Очень редко. Да и то если очень уж просят, чтобы не обижать угощающих. Охотно ездит в командировки по заданиям редакции и просто так, за свой счет. Имеет хорошую трудовую биографию, которую не стыдно было бы иметь даже известному писателю. К профессии карикатуриста пришел довольно сложным путем. Но об этом ниже. Как человек предельно, иногда даже излишне скромнен. Подтверждение тому тот факт, что в конце прошлого года он не отметил свой юбилей и тем самым лишил своих товарищей возможности чистосердечно поздравить его и пожелать новых успехов на всех доступных еще поприщах.

Беседа Е. Г. с корреспондентом Крокодила (в тексте — К. К.) протекала за чашкой чая в уютной маленькой мастерской художника в самом центре столицы.

— Итак, — сказал К. К., — условимся отвечать на вопросы откровенно, ничего не приукрашивать и не утаивать. А я, в свою очередь, обещаю все оставить как есть.

— Начинай! — кивнул Е. Г. — И посмотрим, что из этого получится. Впрочем, я никогда не старался казаться лучше, чем есть на самом деле.

— Что ты больше всего любишь делать? — бойко спросил К. К., ловко перебрасывая мостик к труду карикатуриста.

— Когда я один, то больше всего люблю лежать на диване и читать газету, — скромно признался Е. Г. — Это мое самое любимое занятие.

— Вот как! — опешил К. К. — А что ты умеешь делать лучше всего?

— Когда я был рабочим в новосибирском оперном театре, то очень здорово подметал пол. Лучше всех. И двигал пианино.

Наступило молчание. Художник невинно смотрел на корреспондента. Тот — с некоторым недоумением на художника.

— Ну, хорошо, — наконец примирительно сказал К. К., — а что ты больше всего не любишь? Наверное, разные недостатки, лодырей, хулиганов... Да?

— Больше всего я не люблю худсоветы и редколлегии. Часами сидят, и каждый высказывает свое противоположное мнение.

— Так, так, — протянул К. К., соображая. — Так, так. Значит, худсоветы и редколлегии?! Хорошо, запомним. А что ты считаешь своей самой большой творческой удачей? А? («Ну, теперь-то уж ему не удастся увильнуть от разговора о карикатуре», — подумал корреспондент.)

— Однажды я снимался в главной роли в цветном музыкальном ревью. Но фильм почему-то не вышел на экраны. Это, наверное, и была самая большая удача в моей творческой жизни. Еще чайку?

— Да. Спасибо. Кстати, считаешь ли ты, что полноценно прожил свою творческую жизнь?

— Почему же прожил? Я считаю, что только начал ее. Все-таки мне здорово повезло, что мой дебют в кино не сделал меня знаменитым. Ведь художник только начинает после 50 лет, а актер уже заканчивает...

— Это — спорное мнение, — возразил К. К. — Но не будем отвлекаться. Как все-таки получилось, что ты вначале стал летчиком, а потом карикатуристом? А не наоборот.

— Это не так, — сказал Е. Г. — Я стал летчиком и карикатуристом почти одновременно. А уж потом выбирал, чем постоянно заниматься. Я вырос рядом с аэродромом, ходил в художественную школу новосибирского Дворца пионеров. Уже в самом конце войны, меня послали в авиашколу. В первый же свой самостоятельный полет я наделал массу ошибок — не там развернулся, перебрал высоту, при посадке сделал «козла», то есть посадил самолет на две точки. Во всем, конечно, был виноват инструктор — он сидел вполборота ко мне, и это меня ужасно раздражало. Зато потом в «Стартовом листке» я смог хорошо передать в рисунках свои впечатления, сам все прочувствовал. Тогда же мне показалось, что рисовать значительно интересней — больше возможностей и меньше риска. Этот случай, наверное, и решил мою судьбу. Демобилизовавшись, я приехал в Москву, снял угол по соседству с редакцией газеты «Гудок». Там и напечатали мою первую карикатуру. Потом по совету артиста Костомолов-

кого пришел в «Крокодил». Несколько дней ходил по коридору — все не решался переступить порог художественного отдела. Наконец решился. И вот уже 30 лет регулярно переступаю его.

— Кстати, ты часто сам придумываешь темы для своих рисунков. Как это делается? Как рождается карикатура? Даешь себе установку на придумывание?

— А можно придумать остроу? Нет. Это приходит само, неожиданно, как открытие, над которым долго ломал голову. Иногда я придумываю тему под утро. Еще не проснусь, а уже чувствую, как что-то вертится в голове. Если удастся окончательно проснуться — тема моя. Нет—поминай как звали. А лучше всего сюжет рождается, когда я хожу пешком. Мой совет молодым художникам — больше ходите. И при этом не забывайте работать не только ногами, но и головой.

— А что ты любишь рисовать?

— Все то, что наблюдаю в жизни.

— А что считаешь главным в искусстве карикатуриста?

— Все главное. Не главного в нашем деле нет. Чтобы расти, надо постоянно разрешать творческие задачи. Уметь мыслить, уметь рисовать, уметь воплотить свой замысел в яркую образную форму. Сейчас многие рисуют не карикатуры, как жанр настоящего искусства, а просто схемки на заданную тему. Черточка, точка, ротик, носик — готово. Все предельно просто. Ни характера, ни психологии, ни глубины. Все на поверхности. Согласен — нужно стремиться к простоте в искусстве, но не к примитиву. В рисунке нужен воздух, пространство, пластичность, вкус, мера пропорции, артистичность, остроумие. И само собой — социально важная тема. Надо идти от традиций, от уже достигнутого. И на этой основе все делать по-новому, по-современному. Иногда считают, что карикатурист должен быть узким специалистом, уметь хорошо рисовать только карикатуру. Это чепуха! Нужна широта в творчестве.

— В теории или на практике тоже? — уточнил К. К.

— И на практике. Сам я оформлял книги, постановку циркового представления, делал экспозиционные плакаты. Недавно выполнил монументальные росписи в музее К. Тренева и П. Павленко в Ялте, сделал настенную роспись в музее МВД СССР. Все-го и не перечислишь.

Что хорошо, то хорошо, подумал К. К. И тут уж, как сказал поэт, ни прибавить, ни убавить. На всякий случай спросил:

— А как нынче по части «козлов»?

— Стараюсь обходиться, — скромно ответил художник.

Это похвально. Все течет, все изменяется. Не стоит на месте и Егор Горюхов. Ищет новые пути, средства выразительности, нико-

му не подражает. Не повторяется. Даже ошибается и то по-своему. Одним словом — живой, с оригинальным художественным мышлением человек.

Наша беседа подошла к концу. Если говорят, что почерк — это человек, то можно сказать, что рисунок — это художник. В нем он весь как на ладони — как видит мир, как понимает его, как чувствует, мыслит, что хочет передать другим. Рисунок — это воплощенная в сюжет, цвет, линии душа художника. Когда вы, например, смотрите на рисунок, под которым стоит подпись «Е. Горохов», и он рождает у вас теплое ответное чувство, улыбку, то знайте, что именно ее и хотел передать вам художник Егор Горохов.

ПОЭТ О ЧУВСТВЕ ЮМОРА

Когда я хочу доставить удовольствие своим друзьям, то читаю им стихи любимых поэтов, среди них и стихи Арсения Тарковского. Вот почему, увидев афишу, извещающую, что в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» состоится авторский вечер поэта Арсения Тарковского, я загорелся желанием попасть на этот вечер. И попал.

Еще до начала вечера мне удалось проникнуть за кулисы и взять краткое интервью у маститого поэта.

— Уважаете ли вы сатиру и юмор? — напрямик, но не без тайного умысла спросил я.

— Уважаю, — сразу же признался поэт и как бы в подтверждение этого улыбнулся.

И тогда последовал заранее подготовленный второй вопрос:

— Есть ли у вас что-нибудь для «Крокодила»?

В глазах поэта появился некоторый интерес к вашему корреспонденту:

— Буквально на днях я написал одну маленькую поэмку...

— А о чем она? — спросил я. — Что вы хотели выразить этим правдивым произведением?

— Прежде всего восхищение, охватывающее человека перед лицом чудотворной природы, — ответил поэт. — Автор не мог сдерживать своего негодования, замечая, что кто-то пытается незаконно обогатиться, используя для этого свою недвижимую собственность. Автор хотел также указать, сколь опасно не критическое отношение к различным лжеучениям вроде лжеучения Ломброзо. Автор надеется, что образ одного из действующих лиц нашего повествования, условно именуемого в легенде Йотой, пробудит в душе кого-нибудь из наших читателей воспоминания о какой-нибудь другой, не менее прелестной фее. А что Йота была самой настоящей феей — сомневаться не приходится. Вы удовлетворены?

— Вполне,— удовлетворенно кивнул корреспондент.

«Поэмка» пришлась по душе слушателям. Чем именно? Отточенным, изящным языком, лукавым юмором и едкой пронией. И пусть в легенде—этом рассказе в стихах—речь идет о маленьком эпизоде полувековой давности из жизни поэта, все легко угадали, что стрела сатиры точно бьет по цели—духовному мешаству. Жив курилка!

Мастер поэтического перевода, Арсений Александрович Тарковский — автор четырех собственных сборников стихов. Свою первую книгу поэт выпустил, когда ему было уже за пятьдесят. Сейчас ему исполнилось семьдесят лет. А сколько веселого, молодого задора в его легенде, сколько поэзии! Какой великолепной музыкой звучат его стихи, каким глубоким смыслом они наполнены!

Это дано не каждому — сохранить в зрелом возрасте отвагу и молодость сердца, насмешливую дерзость духа. У Тарковского и стихи и глаза светятся острым умом и веселым сарказмом. Его улыбка, как луч солнца, освещает лицо светом радости жизни. Поэт любит шутить. Но делает это беззлобно, с добрым чувством. Но и за шуткой и за пронией вдруг открывается вся глубина человечности и мудрости поэта. Он подтрунивает и едко осмеивает, его шутливый тон — лишь форма выражения остроотточенной, глубоко обдуманной мысли, одобрения или тонкой насмешки, издевки или горчайшей самоиронии. Как, например:

Когда тебе придется туго,
Найдешь и сто рублей и друга.
Себя найти куда трудней,
Чем друга или сто рублей...

Прошлым летом я со своей дочуркой Мариночкой (ей был тогда годик) гостил на даче поэта в Голицыне. Арсений Александрович незадолго до этого перенес тяжелую болезнь. Чувствовалось, он еще не вполне оправился от недуга. И все же улыбался, шутил, с упоением, словно смакуя тонкое вино, читал веселые стихи Николая Олейникова:

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой.
Типичная пошлость царя
В его голове небольшой.

Поэт как-то легко, от всей души заразительно смеется:

— Здорово, правда!

Глядя на него, звонко, заливисто смеется и хлопает ручками моя дочь.

— Давайте поговорим о юморе,— воспользовавшись моментом,

предложил я. И как видно не зря. — Вы ведь, я знаю, любите юмор.

— «Любите» не совсем точное слово, я бы сказал, «чувствуете». Люди по-разному чувствуют его грани и оттенки и по-разному реагируют на смешное. Иным нравятся плоские, грубые, как говорится, солдатские шутки. Другим по душе ирония, тонкий юмор. Два человека одного возраста и профессии могут совершенно по-разному воспринимать одну и ту же комическую ситуацию. Один рассмеется, второй в недоумении будет таращить глаза, а то и рассердится.

— От чего же зависит умение чувствовать юмор?

— Вероятно, во-первых, это заложено в нас самой природой, во-вторых, каждый может воспитать, развить в себе это чувство, или, иначе говоря, качество ума и характера. Чувство юмора — это чувство оптимизма, человечности, окрыленности. Все, конечно, начинается с мироощущения и темперамента. Мрачно настроенный человек не склонен веселиться. Впрочем, у французского философа Монтеня есть рассказ о том, как одного беднягу везли на казнь. По обычаю жизнь его могла спасти любая женщина, согласившись выйти за него замуж. И вот одна дама пожелала взять этого беднягу в мужья. Он глянул на нее и кисло сказал: «Эта?! Такая уродливая, кривоногая? Нет, лучше вешайте!» И его повесили. Так что, как видите, чувство юмора свойственно даже висельникам.

Я по природе оптимист. Жить — это такое счастье, такой выгрыш в такой необычной лотерее, что диву даешься. В детстве меня потрясло, как это может быть, что все мы, люди, живем в одню и то же время. Это ведь так удивительно, верно?! Надо уметь ценить каждое мгновение жизни, воспринимать его как бесценный дар, уметь всем существом — умом и сердцем — ощущать, какое это неизмеримое счастье — жизнь, уметь ценить блага, которые она несет. Наш духовный мир настроен на то, чтобы создавать и совершенствовать то, что несовершенно. А это и есть творчество. А жить и творить и значит быть счастливым.

— И, наконец, последний, чисто профессиональный вопрос. Юмор органически содержится всегда, во всем и везде в окружающем нас мире. Но вот задача — как его лучше оттуда «выковыривать»?

Поэт лукаво посмотрел на меня и улыбнулся:

— Не будем лишать хлеба юмористов и раскрывать их «секреты»... Очевидно, так же, как скульптор извлекает скульптуру из куска мрамора, композитор — симфонию из хаоса звуков, а поэт — стихи из океана слов. Несомненно одно, человек, впервые на земле когнитивший, был самым гениальным юмористом. А как и почему он это сделал — вот настоящая загадка...

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Дул ветер. Море штормило. Над городом плыли сизые тучи с рваными краями. На вершинах голых платанов горлаило воронье. В самый канун Нового года всю мыслящую Ялту взбудоражило необычайное происшествие — исчез Михаил Антонов, широко известный в городе человек.

Был создан штаб по спасению Антонова.

В горы вышли группы спасателей. Море бороздили быстроходные катера. Окрестности прочесывали добровольные патрули. Была поставлена на ноги вся милиция, а также местные отделения спасания на водах, пожарников, охотников, рыболовов и охраны природы. Увы, все оказалось тщетным.

— Нигде нету! — наконец доложили они начальнику штаба.

— Точно нету? Вы уверены в этом? — озабоченно переспросил он.

— Так точно! — ответили искатели. — Уверены, как сами в себе.

— Ну и слава богу! — облегченно вздохнул начальник штаба и вытер лоб белоснежным носовым платком. — А теперь идите, идите, занимайтесь своими делами.

Когда все удалились из просторного кабинета, он негромко молвил, как бы раздумывая вслух: «Исчез, и хорошо. Все равно ему не дали бы здесь спокойно работать и жить. Да и нам одни неприятности...»

Красавица Ялта вновь зажила своей обычной жизнью. Утром из-за горизонта выкатился раскаленный желток солнца. Празднично заискрились присыпанные снежком вершины окрестных гор, нестерпимо заблестели тысячи гребешков синего моря.

Мимо вечнозеленых кипарисов и лавров степенно шли на процедуры отдыхающие одного из местных санаториев. И никому из них не было никакого дела до того, что исчез Михаил Антонов, еще вчера возглавлявший этот самый санаторий.

Признаемся сразу в маленьком преувеличении. Поискowych групп не было, штаба тоже не было. Но Антонова действительно спасали. Впрочем, все по порядку.

Любовь, любовь...

Она, как и грипп, не милует ни министров, ни поэтов. Пал ее жертвой и Михаил Сергеевич, главный врач санатория. До роковой встречи с ней стремительно вверх взмывала кривая его карьеры.

С энтузиазмом молодости и самоуверенностью удачливого полководца взялся он за работу. На сотрудников посыпались взыска-

канья. Но дела санатория почему-то не улучшались. Напротив, покатились вниз и дисциплина, и культура обслуживания отдыхающих, и хозяйственные показатели, ухудшилась и работа пищеблока.

Любовь явилась в образе нового секретаря—невысокой двадцатипятилетней женщины с круглым лицом, чуть вздернутым носом, прямым, уверенным взглядом карих глаз. Вначале все было чинно и пристойно и отношения между шефом и его секретарем складывались так же, как и у тысяч других начальников и подчиненных,— деловые и корректные. Катя отвечала на звонки, выслушивала посетителей, печатала приказы, подшивала бумаги. Все было хорошо до той самой минуты, когда однажды М. С. чуть пристальной вгляделся в миловидное лицо секретаря и сердце его дрогнуло в исподдельном радостном испуге: «Это она, желанная!» Как ни боролся М. С. с нахлынувшим чувством, устоять ему не удалось.

«Причиной наших отношений явилась обоюдная симпатия и естественная реакция: понимание друг друга в психологическом отношении, обоюдное содействие в работе. Вольшую часть суток мы находились вместе. Я почувствовала, что М. С. очень сильный товарищ (в моральном отношении), правдивый и очень честный. Все это неосознанно подвело к близким отношениям». (Из письма Кати.)

Первой жертвой большой любви Шефа пал муж Кати Юра, работавший в том же санатории электриком. По простоте душевной он не понимал, какое всепоглощающее чувство овладело сердцем М. С., обижался, скандалил и всячески мешал влюбленным. Посыпались один за другим «обоснованные» выговоры, и Юра был изгнан из санатория и одновременно из сердца Кати. Молодая семья на глазах всех разломалась, как в шторм ломается и идет ко дну корабль.

Ничто теперь не мешало влюбленным.

Катя смело входила в кабинет своего Шефа, их взгляды встречались, и между ними словно бы пробегал электрический ток.

«Я настолько увлеклась и полюбила М. С., что отказалась от всего земного. На протяжении двух лет сижу и жду «сигнала», когда М. С. сможет выехать со мной за пределы Ялты или в лес на свидание, подалее от жены, детей и общественности». (Из письма Кати.)

Говорят, слишком пылкая любовь между начальником и подчиненным мешает работе. Какая чепуха!

М. С. решил любой ценой вывести санаторий в число самых

лучших. И ради этой благородной цели не гнушался никакими средствами. Раздавал путевки нужным людям, что-то списывал, что-то приписывал...

Скажем прямо, любовь здесь была ни при чем. Разве она заставила М. С. незаконным образом реализовать всего за один год десятки путевок? Или использовать для покрытия допущенных перерасходов средства застройщиков специального назначения? И получать денежные премии?

Секретарь стала сильной личностью: даже ближайших сотрудников и тех без доклада не пускала в кабинет Шефа. Покрикивала на них. Что уж говорить о прочем персонале! Ей улыбались, перед ней заискивали. Во время самых серьезных бесед она стояла за спиной главного врача. Со снисходительной улыбкой он кивал посетителю: «Катя не помешает. Она свой человек».

Были, конечно, и неудобства. Мало ли вокруг людей, которые хотели превратно истолковать их отношения, опозлить, отравить ядом злопыхательства: дескать, а как же всякие там нормы и правила, принятые в нашем обществе?!

Вот и приходилось таптаться, прибегать к разным недостойным уловкам: записочкам, условным телефонным звонкам, полотенцам, вывешенным в окне.

— Ты единственный надежный помощник! — говорил Шеф за дружеской трапезой в своем кабинете секретарю. — Ты моя единственная отрада.

— А жена? Дети?

— Что жена?! Жена—это так. Привычка. С женой меня связывают только дети.

— А со мной?

— С тобой другое.

— А если бы на моем месте оказалась другая?

— Гм! Другая?! Нет, другую я бы не полюбил, — подумав, уверенно заявил М. С.

— Все уже знают о наших близких отношениях. Ты не боишься молвы? Люди говорят...

— Я чистый, честный человек, — раздраженно перебил ее Шеф. — На голову выше их всех Они просто завидуют мне. Придумали новый метод морально убивать — каждый может писать, жаловаться, клязунничать. А мы с тобой всех перехитрим. — Я поведу тебя и жену в ресторан — пусть они увидят нас вместе и подавятся собственными языками.

В ресторане М. С. разлил в хрустальные бокалы шампанское и торжественно провозгласил: «За дружбу и взаимопонимание!»

Катя улыбалась, как победительница международного турнира фигуристок. Жена М. С. поставила на место свой бокал и, повернувшись к ней, сказала:

— А знаете что, хватит ломать эту комедию. Забирайте-ка вы его себе. Довольно с меня, что я кормлю и обстирываю двоих детей...

Кати мучительно покраснела и поспешно выскочила из-за стола...

Удивительное рядом...

М. С. гнал посетителей в двери, они лезли в окно. Не успевал он заткнуть одну брешь в хозяйстве, как появлялась другая. Приходилось идти на некоторые комбинации.

«До чего придирчивыми стали люди,— думалось иногда М. С.— Готовы тыкать в глаза даже денежной премией. Не признают руководящего авторитета, до хрипоты спорят при распределении жилья, критикуют в глаза и за глаза. Вот-де больше двухсот человек ушло. Ну и что? Сами попробовали бы работать с таким контингентом. Только и знают, что суют нос в чужие дела...»

Одна была отрада — махнуть с милым Катенком в отпуск, или на служебной машине куда-нибудь на лоно природы, или в Симферополь, чтобы отвести душу...

Однако пусть не спешат чувствительные люди: «Какая глубокая, красивая Любовь!» Глубина ее оказалась под стать глубине дождевой лужи, а красота — сродни разве что мухомору.

Очередной выговор курортного совета за служебные грехи заставил М. С. крепко задуматься. Катя все чаще заставляла своего Шефа в позе роденовского мыслителя. Все чаще приходили на ум главному врачу разные мрачные мысли. И вот однажды внутренний голос отчетливо сказал ему: «Шабаш! Хватит!»

— А как же я? — спросила любимый секретарь.

— Ты уйдешь по собственному желанию,— твердо ответил М. С.— Бремя сгладит горечь разлуки. Ты найдешь другого начальника и полюбишь его. Он обеспечит тебя и работой и комнатой.

— По собственному я не уйду,— сказала женщина.— Я согласна расстаться. С тобой. Но не с комнатой и санаторием.

— Поживем — увидим,— многозначительно сказал М. С.

С этого рокового разговора и началось раздвоение цельной натуры главного врача. Днем недрогнувшей рукой он писал выговор своему секретарю, а вечером бежал к ней на свидание.

Никто не знал и не ведал, как ему трудно, как он переживает, мучается, страдает... Он не находил себе места, плохо спал, потерял аппетит... Мучительные, горькие раздумья не покидали М. С.: «Какой она все-таки эгоистичный человек, почему не понимает, что губит мою карьеру».

За первым выговором последовал второй...

Но эта упрямец не сдавалась...

И вот готов проект нового приказа.

Главный врач небрежно протянул его Кате: «Напечатай». Она вложила чистый лист бумаги в каретку пишущей машинки и начала печатать: «За уход с работы 26 апреля на 30 минут раньше объявить К. строгий выговор...»

— Ой, да ведь в этот день ты сам назначил мне свидание! В Симферополе! — вскрикнула секретарь.

— Ах да! — вспомнил М. С. и нахмурился.

Спустя день или два он скоропалительно отбыл в отпуск. Перед уходом нежно заглянул Кате в глаза, чмокнул в щеку.

— Я не перенесу этой разлуки, — скорбно сказал он, опуская взгляд. — Что бы ни случилось, помни: мое сердце всегда с тобой.

Едва растаял в воздухе свисток локомотива, Катя получила первое письмо: «Катенок! Вот и начался мой очередной отпуск. Скучаю. Как у тебя дела, малыш?»

В этот же день молодую женщину вызвали и. о. главного врача, секретарь парторганизации и предместкома.

В самом обобщенном виде эту беседу можно передать так:

— Пишите заявление по собственному желанию... Лучше будет...

— Не буду...

Второе письмо от главного врача и возлюбленного не заставило себя ждать. В нем были строки:

«Искренне скучаю по тебе, не знаю, передают ли об этом флюиды, но это перерастает подчас просто в серую тоску. Катенск, письма не держи в столе и в сумке, а то кто-то их прочтет. Следи за этим. Целую и обнимаю тебя, милый малыш, очень крепко, крепко».

В этот же самый день в санатории был обнародован приказ №117. В нем были строки: «Тов. К. от занимаемой должности с 14 июня отстранить и перевести на должность уборщицы...

И. о. гл. врача».

Очевидно, флюиды что-то все-таки сообщили М. С., так как в очередном его письме говорилось:

«Катенок! Желаю, чтобы огорчения и беды твои были коротки, как летние ночи, теплыми и мимолетными, а счастье и радость большими и солнечным, как летние дни над морем. Целую крепко. М.

Р. С. Если в воскресенье, 23 июня, ты будешь дома, то приходи, как обычно, на наше место. О том, что ты придешь, дай знак в окне — повесь яркое полотенце».

В этот же день по базовому санаторию был объявлен приказ № 120: «Распоряжением от 13.VI уборщица столовой тов. К. переведена санитаркой в лечебный корпус... за невыполнение распоряжения администрации и прогулы тов. К. объявить строгий выговор. И. о. гл. врача».

Потом поступали своим чередом новые письма от М. С. и подписывались новые приказы.

Одна была надежда, что вот придет он и положит всему конец.

М. С. приехал и сделал квадратные глаза: «Как? Ты все еще сидишь в приемной? Разве тебя не перевели в уборщицы?»

И тогда пришло прозрение. 27 июня Катя отправила письмо в Киев: «Я не прошу возвращать мне любимого человека. Нет. Меня заставило написать это простое человеческое возмущение: почему руководителю большого коллектива, гражданину дозволено ради личных прихотей, причем расчетливых прихотей, унижать, издеваться над чистыми чувствами, лишать меня работы и жилья? Какое он имеет на это моральное право? Неужели я вещь, которую беспрепятственно можно выбросить, когда она не нужна?»

Дон Жуан, где ты?

В поле из Симферополя прибыла высокая комиссия. Стала проверять факты. А факты, как известно нынче даже в яслях, упрямая вещь. Они подтверждались.

Назревало возмездие. М. С. вызвал своего секретаря в лес, стал перед ней на колени. На пробегавшего мимо муравья упала большая жгучая слеза. «Я люблю тебя, — зывал М. С., в отчаянии заламывая руки. — Не губи. Напиши, что ты пошутила, что мы с тобой всегда были просто друзьями и товарищами по работе... А не сделаешь этого, пеняй на себя. Мои друзья выгонят тебя с работы и выселят из города как тунеядку».

23 августа партийное бюро при закрытых дверях объявило Антонову строгое партийное взыскание. С работы его не сняли. Приняли к сведению, что он подал заявление об уходе по собственному желанию.

В текучке будней как-то позабыли, правда, сообщить о принятом решении коммунистам санатория.

— А к чему лишний шум? — сказали нам. — Не видим в этой истории ничего криминального. Нужные меры уже приняты. Мы

о них доложили. Что еще? Или вы считаете наказание недостаточным?

Действительно, ничего криминального в этой истории нет. Не будем ханжками: никто не застрахован ни от беды, ни от неожиданной любви. Чего не бывает в жизни. Хотя и в этом случае не мешало бы достойно вести себя.

Поучительно другое. Молодой руководитель, назначенный на высокий пост, с первых же шагов повел себя так, словно бы ему вверили санаторий в личное пользование. Он полагал, что персональный кабинет выделен ему для свиданий, персональный автомобиль—для увеселительных прогулок, столовая—чтобы отсюда носили персональные обеды, технический секретарь—для любовных походов. Это психология собственника, которому все дозволено... И, наверное, не случайно так тесно переплелись между собой грубые служебные и моральные ошибки подававшего надежды специалиста.

По городу полз шепоток: «покрывают», «выгораживают», «спасают от обсуждения в коллективе»... В Киев и Москву вновь полетели письма...

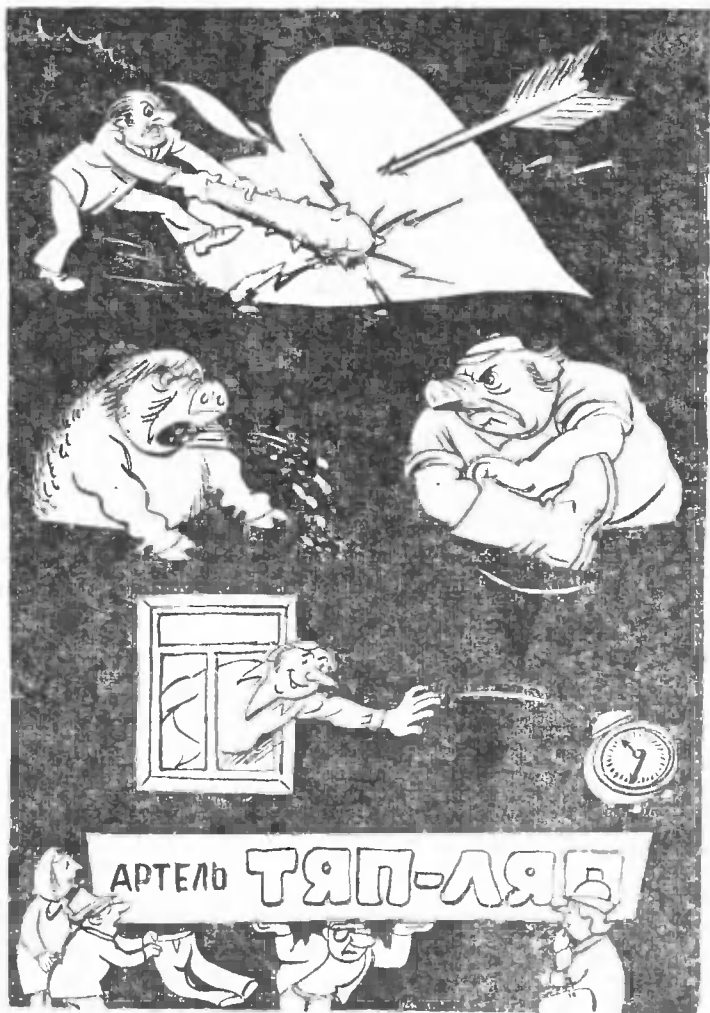
10 сентября коллегия Ялтинского территориального совета по управлению курортом во изменение своего предыдущего решения об освобождении М. С. по собственному желанию постановила: «За грубейшие нарушения финансово-хозяйственной деятельности и аморальное поведение освободить тов. Антонова от обязанностей главного врача».

А в это время Катя продолжала вести упорную позиционную борьбу за свое «место под солнцем». Ее то и дело вызывали в милицию, в курортный Совет, предлагали писать объяснения, заявления об уходе.

Однажды вечером, в самый канун нового года в ее комнату позвонили. Катя открыла дверь. За порогом в плаще с поднятым зоротником стоял М. С. Ни слова не говоря, он двинул кулаком свою бывшую сотрудницу и возлюбленную, круто повернулся и решительно зашагал прочь. В эту же ночь он тихо исчез из города. Спасателей, как вы уже знаете, читатель, не снаряжали. В этом не было необходимости. Персональное дело закрыли без шума и огласки.

Вечером по набережной прогуливались толпы отдыхающих и горожан. В концертном кафе «Ницца» давали цыганское шоу. В ресторане гостиницы «Ореанда» гремела веселая свадьба.

«Красивый парень жених. И человек какой хороший. Это да,—судачили кумушки.—А Дон Жуан нынче не тот пошел. Измельчал. Вот раньше бывало что, ручку целовал, цветы преподносил, красиво ухаживал, одним словом... А сейчас — кулаком в зубы. Срамота...»

АРТЕЛЬ ТЯП-ЛЯБ

ВИРУС ХАМСТВА

В последнее время все больше публикуется заметок о правилах хорошего тона. О том, надо ли заворачивать цветы в бумагу, прежде чем вручить даме своего сердца. Как пользоваться вилками и ножами. И прочие очень ценные в повседневной жизни советы.

Да вот беда, некоторые граждане или совсем не читают указанные заметки, или читают их не слишком внимательно. В результате кое-где еще имеют место отдельные случаи хамства.

Но заострим вопрос философски: стоит ли вообще давать отпор хаму? Может быть, есть смысл предложить вместо лозунга «Хамству — бой!» такие чуть-чуть более умеренные, как «Хамству — вежливость!» или «Хамству — терпимость!»? Возможно, хамы, встречая каждый раз благороднейшее к себе отношение, в конце концов устыдятся?

Ехала одна пожилая гражданка в электричке. Все было хорошо, только возьми она и взгромозди свои ноги в сапогах на ту же скамью, где сидела. И тут один совсем посторонний гражданин, даже с другой скамьи, спокойно и вежливо предложил ей убрать ноги.

— Ах, ты, рыло собачье! — в сердцах заявила она. И это было самое нежное из всего, что она ему сказала.

И поделом: нечего приставать к незнакомой женщине. Вседлично его никто не трогал, никто не цеплялся, не лез в душу. Попутчики, встретившие этот инцидент гробовым молчанием, как бы подтвердили разумность такого довода.

...Что-то не в духе был водитель автобуса. Он то и дело так дергал машину, что пассажиры проявляли большую находчивость, чтобы не свалиться в одну общую кучу. И вот, надо же, нашелся и здесь доброхот, который пытался устыдить водителя проникновенными словами. Дескать, дети едут, старики...

Водитель, еще молодой, решительный мужчина с волевым лицом, показал, во что он ставит все эти рассуждения. Так дернул, что увещевавший лягнул зубами и едва не перевернулся в воздухе. Кроме того, автобус защемил дверями ногу ни в чем не повинной женщине и протащил ее с пяток метров по асфальту.

И что же? А ничего. Автобус, конвульсивно дергаясь, двинулся дальше. И каждый из пассажиров, нервно уцепившись за поручни, тихо, про себя переживал случившееся.

...В чудесный сентябрьский день гр-ка Мокрякова стояла в очереди у магазина «Осень». И когда продавец положила на весы несколько гнилых помидоров, заявила протест. И даже попыталась снять их с весов. В ту же секунду эти помидоры, направленные снайперской рукой продавца, полетели ей прямо

в лицо. Развивая атаку, продавец сокрушающим ударом тяжелой хозяйственной сумки повергла гражданку Мокрякову наземь.

Так на глазах ошеломленной очереди обывковенное хамство переросло в злостное хулиганство.

— Граждане, помогите! — застонала поверженная. Удар был настолько сильным, что у нее треснула кость руки.

А гражданам все казалось лишь забавной сценкой.

...Женщина растерянно металась по улице от одного телефона-автомата к другому. Сломан! И этот сломан! И этот! Нужна «Скорая» к больному. В четвертой будке нога за ногу, плечом подпирая стенку, стоял долгогривый красавец с сигареткой.

Открыла дверь. «Молодой человек, ради бога, больной»... Отмахнулся, как от мухи, потянул к себе дверь: «Не мешай, хозяйка...» Попросила еще: «Голубчик... умоляю...» Вынул сигарету, посмотрел ей прямо в глаза, сказал насмешливо-ласково: «Ничего, потерпишь. Мне еще на полкопейки договорить осталось...»

Когда наконец он вышел — пальто нараспашку, в кривой улыбочке рот, — у нее вырвалось:

— Ну, как вам не стыдно? Ведь я же просила...

Снисходительно прищурился:

— Не волнуйся, мамаша. Дольше проживешь...

— Но это же хамство...

— За хамство не судят, — удаляясь, победно бросил он.

Вам, наверно, приходилось наблюдать, как четверо-пятеро дюжих молодцов-дружинников ведут в милицию замухрышку-хулигана. А хама никуда не ведут. Он, как правило, не вступает в конфликт с Уголовным кодексом. Разве что слегка пожурят на профсоюзном собрании или в стенной газете.

А не ведут хама под локотки именно потому, что слишком часто с ним приходится воевать один на один, без помощи и солидарности окружающих — тебя, меня, всех нас.

Хамство начинается там, где кончается уважение к человеку. И не к какому-то там абстрактному человеку, а к товарищу по работе, к соседу, продавца к покупателю, покупателя к продавцу, наконец, просто к тому, кто стоит рядом в бегущем автобусе.

Живуч, ох, живуч вирус хамства. Сколько на него пороку извели, а ему хоть бы что! Впрочем, нет. Подобно возбудителю гриппа, он тоже видоизменяется, приспосабливается к обстановке.

Иной ласковый хам, преданно глядя в ваши светлые очи, так искусно проявит свое неуважение, что вы уйдете от него окрыленный и не сразу поймете, что стали жертвой хоть и умело замаскированного, но в общем-то обычного расхожего хамства.

Теперь оно предпочитает наносить меткие удары по окружающим, прикрываясь как щитом внешней респектабельностью, видимостью заботы о других. А в таком облачении это словно бы уже и не хамство, а добросовестное исполнение своих служебных обязанностей. Нечто вроде высокой культуры производства.

Напрасно кто-нибудь пытался бы получить лабораторным путем чистый вирус хамства — его не существует в природе. Зато с научной достоверностью установлено, что хамство как верный оруженосец сопутствует бескультурью, грубости, цинизму, обывательскому равнодушию, своекорыстию. И каким бы ни был хам — трезвым или пьяным, при исполнении служебных обязанностей или в часы досуга, при галстукe и шляпе или без оных, — сущность его одна...

Удивительный и ничем не объяснимый парадокс — работая в сфере, связанной с обслуживанием людей и получая за это зарплату, хам ухитряется всячески отравлять всем жизнь. Даже по долгу службы он не хочет проявлять ни такта, ни выдержки.

Нужна вам, к примеру, справка. Нужна позарез, сейчас же. А какой-то чинуша, охваченный административным восторгом, и слушать ничего не хочет — приемные часы окончатся через пять минут: «Приходите завтра!» Это старо как мир. Об этом уже писали миллион раз. Это даже неинтересно.

Ну, а каковы же все-таки выводы, спросит дотошный читатель, увлекшись темой нашего разговора, в чем загадка живучести этого зловредного вируса?

Генеалогия хама предельно проста. Хамским отродьем, хамыгами господа называли своих крепостных. Хам был синонимом лакея, слуги. И, соответственно, манеры у него были низкие, хамские. И потому способен он-де был на всякую грубую выходку и подлость.

Давно всех их как ветром сдуло с их пошлыми ужимками, враньем, сословной спесью, родовым кривляньем, бесцеремонностью и грубостью. А бывшие дети крепостных стали хозяевами жизни. И выросли у них дети, и у детей снова выросли дети. И называют они друг друга прекрасным словом «товарищ!» и манерами своими выше любого аристократа.

Хамство не поддается статистике — никто не подсчитывал и не может подсчитать, сколько зла оно приносит всем нам вместе и каждому в отдельности. Вот почему все вместе и каждый в отдельности мы должны бдительно следить, чтобы не цеплялся к нашим широко идущим ногам этот настоящий репей прошлого — барское неуважение к людям и лакейская гордость навыворот. Что же касается поучительных заметок и статей о правилах хорошего тона, то печатать их, разумеется, надо и впредь. Тем более, что против этого даже хамы не возражают...

НА ЯЗЫКЕ ВЫШИБАЛ

«Вернувшись из рейса, мы с друзьями решили отметить встречу в ресторане. На мне была юбка из джинсовой ткани, на ребятах — джинсы. Администратор с криком, бесцеремонно вытолкала нас из ресторана. Мне было очень стыдно».

Ольга Белова, г. Владивосток.

Вспомним, была некогда такая малопочтенная, но внушавшая страх специальность — вышибала. Вышибалы не блистали красноречием и манерами, у них был один, хоть и примитивный, но выразительный способ обращения. Не понравился кто-то — он без лишних церемоний хватал клиента за шиворот, поворачивал к себе спиной и так поддавал ногой, что человек пролетал наподобие птицы некоторое расстояние, собственной головой широко открывал дверь и затем уверенно пересчитывал носом все имеющиеся в наличии ступени.

Казалось бы, канула в лету профессия вышибалы. Даже само это слово, по свидетельству словаря Ожегова, устарело. Ан нет. Встречаются и в наши дни их духовные воспреемники. Пусть не по должности, зато по убеждению, по способу мыслить и действовать. Нынешний вышибала в отличие от его предтечи отмечен даже печатью некоторой интеллигентности. Он не просто хватает оппонента за шиворот и с конструктивной целью поворачивает к себе спиной для придания с помощью энергичного пинка надлежащего ускорения, но любит подвести под свои действия теоретическую основу. Он стоит на страже. Как, скажем, в случае с О. Беловой, якобы общественной морали. А каким способом стоит — это уже мелочи, это не суть важно. Диапазон действий современного вышибалы широк и многогранен: от изысканно вежливого до прямолинейно грубого.

В одной уютной одесской гостинице дежурная по этажу без околичностей предложила не прожившему и суток клиенту: «Собирайте вещички. Ваз перевели в другой номер». Как, почему? Администратор свысока объяснила: «А потому, что он нам нужен. А вы обойдетесь и номером похуже». Вот так. И обе удивлялись: странный человек, переживает. «Мы его не оскорбляли, не кричали, вещей его не выносили». Просто вежливо попросили выйти вон. Стоило ли, действительно, обижаться?

А иные не заботятся даже о видимости соблюдения приличий. Ведь можно растаптывать достоинство, делая при этом вид, что идет всего лишь обмен любезностями. Ю. Мясников из г. Первомайска Николаевской области написал в редакцию о ряде недоделок при сдаче дома, где получила квартиру его мать. Редакция

направила письмо в городской Совет. Оттуда пришел ответ: «Мясникова заявлением в горисполком утверждает, что она как квартиросъемщик никаких претензий к ПМК-193 не имеет. (Письмо ее прилагается). Незначительные недоделки устранены». В письме же Мясниковой говорится: «Устранить недоделки не представляет трудностей мне самой. Что побудило моего сына написать жалобу, не знаю...» И вот приходит новое письмо от Ю. Мясникова: «Должен сообщить, что недоделки (попросту брак) не устранены. Все кончилось тем, что мою мать вызвали в контору ПМК-193 (где она работала маляром), продержали там полдня, заставили писать какое-то заявление, а когда она отказалась, написали что-то сами и заставили подписать. Довели женщину до того, что она вынуждена была уволиться. Провели эту «операцию» врио начальника ПМК-193 и начальник участка».

Разберемся. Где, в какой школе, в каком институте учат обращаться с людьми на манер вышибал? В каком питомнике культивируют, а потом искусственно прививают бесцеремонность, грубость, развязность, пренебрежение к чести и достоинству других людей? Может быть, это врожденное качество — порок души, наподобие порока сердца? Или же так поступают по глупому, дремучему неведению?

Нет, в школах учат другому. В институтах тоже. В «Правилах поведения» тоже. В упомянутой выше гостинице на каждом этаже висят эти «Правила» со множеством великолепных пунктов: «Не жестиковать, не класть руки в карманы... Решая любое недоразумение, не вступать в спор и прерывания (так в тексте)» и т. п.

Так в чем же все-таки дело? Что порождает подобные факты, психологию вышибалы? Ложная уверенность в правоте? Иногда. Но главным образом, конечно, мнимое чувство собственного превосходства и полная уверенность в безнаказанности.

САГА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

«Три раза я приходил на квартиру гражданина Вохрякова по его заявлению для устранения протечки и не заставал его дома. Ну, не безобразия?!»

Сантехник Ухов.

Безобразия? Видано ли, слыхано ли так издеваться над живым человеком! И вот уже я засучил рукава и схватился за самое ядовитое перо, чтобы беспощадно заклеить безответственного Вохрякова, как вдруг внутренний голос сказал мне: «Спокойно, дружище! Не спеши. Вначале разберись, что к чему». Я нашел упомянутого Вохрякова и сунул ему под нос го-

рячую от гнева жалобу Ухова. Тот прочитал, и слезы навернулись на его глаза от смеха.

— Да, было,— сказал он, успокаиваясь и вытирая глаза.— Приходил он. Но до того я полгода сам ждал его. Изо дня в день. Пока не потерял надежду и веру. И перестал ждать. Вот и судите, кто прав, кто виноват.

И-да... задумался я, знакомый случай. Хоть и не разбой, но что-то средни ему. Недавно я обратился по делу к некоему должностному лицу. Можно было решать сей вопрос сразу. Но ведь сразу как-то несолидно. И оно, лицо, кивнув, внушительно попросило: «Позвоните завтра». Я позвонил. Потом еще раз. И еще. Десятки раз. А секретарша, как монотонный, бесстрастный голос на магнитной пленке справочного: «Ждите ответа», неизменно отвечала: «Его нет», «Он в главке», «У него совещание», «Он болен»... Мои нервы не выдержали, и я перестал звонить. Отвалился, как сухой лист от ветки.

А вот Николай Александрович Былинов из деревни Максимовка Ярославской области никак не хочет успокоиться. Хотя человек он уже немолодой — ему далеко за шестьдесят, он фронтовик, в танковом сражении потерял ногу. Имеет семь правительственных наград. И даже будучи инвалидом 2-й группы, с протезом вот уже свыше 30 лет продолжает трудиться механизатором в родном колхозе. В прошлом году государство бесплатно выделило ему как инвалиду войны «Запорожец». То-то была радость. Но... недолгая. Едва сел за руль, вышла из строя шестерня главной передачи с валом и шестерня редуктора главной передачи. И вот Н. А. Былинов обратился в магазин «Посылторга» г. Запорожья с просьбой выслать вышедшие из строя детали. Его тут же поставили на очередь. И многократно извещали: «Ждите ответа!» «Ждите ответа!» «Вот-вот вышлем!» И, наконец, вот радость, пришла долгожданная посылка с запасными деталями. Но... радость снова была недолгой. Шестерни оказались не те, что он просил, а других параметров.

И Былинов вновь стал донимать «Посылторгу» своими просьбами. Он даже выслал как образец вышедшие из строя детали. Но на сей раз его даже не обнадежили словами «Ждите ответа!», а просто молчат. Мол, надоест, и перестанет писать. Ведь какие надо иметь железные нервы и терпение, чтобы достучаться в эту ледяную дверь равнодушия. И верно, Былинов тоже отчаялся и потерял всякую надежду. Правда, за него стали писать другие... И он снова терпеливо ждет. Но ведь жизнь, она не ждет, она проходит...

Иной раз считаешь письмо и почешешь в затылке: «Ну чтобы сразу не сделать, как надо, решить простой и ясный как день божий вопрос. Не мытарить человека. Не доводить его до

иступления и безверия холоднодушием и черствостью». И, может быть, даже — помечтаем — с протянутой для помощи рукой пойти ему навстречу—еще до того, как развернется в мольбе его рот.

И уйдет он не в гневе, а успокоенный, умиротворенный, с доброй улыбкой на устах. А завтра первый бросится поднять вас, упавшего на тротуар.

- Говорят: время — деньги. А я смею утверждать, что время — это наша жизнь. И, право, очень жаль, когда оно уходит на бесплодное ожидание.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРЕПКА

«Мне говорят: «Ваши претензии просто смешны. Заказ ваш в общем и целом мы выполнили. А недостатки? У кого их не бывает...» Странная логика. А почему бы сразу не делать, как надо?»

(Из письма в редакцию.)

Я спокойно сел на мягкое сиденье троллейбуса и подскокил как ужаленный. В сиденье скромно торчал гвоздик. На моих новых серых брюках появилась маленькая дырочка. Как видите, все началось с пустяка. В ателье мастер Мария Петровна Чижикова так и сказала: «Пустяк. Сделаем в две минуты. Гоните два шестьдесят за художественную штопку и приходите завтра. Будут, как новенькие». Я пришел завтра. На дырочку в брюках мне припаяли довольно красивую латку. Но я заупрямялся: «Хочу штопку».

«Экий вы привереда,— пожурили меня.— Ладно, сделаем». Сделали штопку. Она возьми через день и расползись. Тогда каким-то ловким маневром дырочку передвинули ближе к шву, а затем и ушили так, что от нее и следа не осталось. Дома я с трудом влез в свои любимые брюки. И снова я в ателье. Очаровательная заведующая нежно улыбалась мне, а мастер Чижикова побледнела, как будто увидела разбойника с ножом в руках. Но я пришел не мстить и в руках держал не нож, а свои серые брюки. Короче, в общей сложности я приходил в ателье 13 раз. Художественная штопка превратилась в художественную трепку нервов.

Сижу и думаю: «Неужели действительно сразу нельзя сделать, как следует? Наверное, можно. Но почему же не делают? Вот загвоздка». Я пытаюсь разгадать эту загадку и не могу. Не может понять этого и В. Баринов из Пскова: «Цех радиоаппаратуры телевизионного ателье №1 после ремонта выдал мне дицамик «Орфей». Дома я обнаружил в нем неисправность и тут же вернул его на доделку. С тех пор я хожу, пишу заявления, но не только не получил из ремонта свой «Орфей», но и внятного ответа, когда

получу его. 13 апреля сего года я обратился с письмом на имя генерального директора «Псковоблтелерадиобыттехника». Но и он не внял моей просьбе и в ответ ни гугу. «Вот так — полный игнораж, хоть бейся головой об стенку...

Скажете: «Эка проблема — дырочка на брюках, динамик... Вот если бы дом спортачили...» Бывает и дом. Суть не в масштабе, а в характере безобразия. Пожалуйста, о домах. Пишут пайщики кооперативного дома: «Похоже, строители делают свою работу не с любовью, а с ненавистью. Двери у нас перекошены, на стенах и потолках трещины, подоконники выщерблены, осыпается штукатурка, обои испачканы и порваны, отсутствуют детали в ваннах и в санузлах, при строительстве на девятом этаже «забыли» закрепить плиту, она упала и прошла насквозь все квартиры до самого подвала. Фундамент дал трещину. Паркет вздыбился...»

А вот весточка из Кишинева. Городская баня построена по последнему слову строительной техники, со всеми мыслимыми удобствами. И что же? А ничего. Поработала баня один год и закрылась на ремонт. Так и стоит с тех пор...

Тоже, согласитесь, не комическая ситуация. Снова думаю: «А может быть, вообще не умеют делать хорошо?!» Нет, умеют. Но почему-то не хотят из-за какой-то душевной лености и стародавней тяпляповской психологии: сделаю кое-как, авось, сойдет. А не сойдет, буду доказывать, что иначе было нельзя, что клиент «сам дурак», во всем виноват. И треплются свои и чужие нервы, впустую расходуются силы, теряется время. Сколько из-за этого недостроено, недошито, недосделано. Да, кое-кто не приучен еще делать хорошо с первого раза. А чтобы привыкли, надо спрашивать с них, тяпляповских мастеров. И спрашивать как надо. На всю катушку. И тоже без недоделок и отсрочек.

«ЗДРАВСТВУЙ!» — «ДО СВИДАНИЯ!»

В Москве в разгаре была зима. В Люблинах по-весеннему светило солнце и люди, бросая вызов суровому времени года, ходили в легких плащах, а то и вовсе без них.

На аэродроме меня встретил высокий человек с застенчивой улыбкой на худом, бледном лице — художник Макс Тоболевич.

— Вначале я завезу показать тебе коллегам в редакцию нашего сатирического журнала «Павлиха», — решил он. — Они очень юмористичные люди...

Нам немного не повезло. Был обеденный перерыв, и показывать меня, естественно, было некому. Поэтому Макс повез меня к себе домой, накормил и уложил на тахту отдохнуть после утомительной дороги. Сам он уехал на работу, пообещав вернуться часа через два.

Весь путь из Москвы в Любляны занял менее четырех часов. Я чувствовал себя как никогда бодро и был готов к чему угодно, только не к лежанию в одиночестве даже на самой прекрасной тахте в мире, но, чтобы не обижать Макса, я покорно полежал немного, потом встал и пошел своим ходом в «Павлиху».

Я очень хорошо запомнил путь от редакции до дома Макса. В его машине он занял всего три минуты. Теперь мне предстояло преодолеть его в обратном направлении. Тем более, Макс на всякий случай четко объяснил, как идти. Сначала два квартала прямо, потом свернуть направо и снова идти еще два квартала.

Все дело, очевидно, было в маленькой речушке, которая петляла вдоль односторонней улицы. Она сразу же сбила меня с толку. Кроме того, я никак не мог сообразить, что считать кварталом. Каждый дом стоял особняком, имел палисадник или сад и вполне мог сойти за маленький квартал.

Я шел и шел квартал за кварталом, разглядывая дома, витрины, людей, вывески. Любляны — древняя столица Словении — компактно расположенный город, немножко похожий и на шотландский Эдинбург, и на итальянскую Флоренцию, и на эстонский Таллин.

Но где же все-таки «Павлиха»?

Отлично помнил, что она находится где-то рядом с театром, поблизости от торгового центра — современного комплекса из стекла и бетона, с любовью и вкусом вписанного в старую архитектуру города.

«В случае чего — спроси, тебе каждый скажет», — вспомнил я совет Макса.

Первый час спрашивать мне мешали самолюбие и упрямство. Однако время — лучший лекарь — склонило мою голову.

«Павлиха?» — уверенно переспрашивал каждый, к кому я обращался с вопросом и, поразмыслив, уже менее уверенно, указывал рукой: «Это туда». Впопыхах я не сразу заметил, что мне отвечают по-русски.

Я шел туда, оттуда, снова туда, пока, наконец, не впал в отчаяние: неужели заблудился? Я понуро стоял посреди тротуара и горестно размышлял: «Может быть, слово «Павлиха» не только название журнала, но имеет еще какой-нибудь смысл, и прохожие просто не понимают меня...»

Наконец добрая женщина в газетном киоске, к которой я обратился, как утопающий к спасательному кругу, указала рукой прямо перед собой.

— Здесь!

Я сразу узнал это высокое темное здание. Мимо него я проходил уже добрый десяток раз, но ни разу не удосужился поднять взгляд выше первого этажа.

После сердечной встречи в редакции я сразу же сообщил коллегам, что невольно провел маленький эксперимент, и его результат одновременно обрадовал и огорчил меня. Многие жители Люблян знают русский язык. Это очень хорошо. Зато мало кто знает, где находится «Павлиха». Это плохо. Очевидно, говорил я, это чистая случайность, какое-то недоразумение, но тем не менее как настоящий друг я все же советовал бы немного усилить рекламу...

— Это не так страшно,— успокоил меня на чистейшем русском языке главный редактор Людвик Бюргер,— главное то, что нас читают,— и пригласил поприсутствовать за рабочем совете издательства.

Рабочий совет — это заседание всех сотрудников издательства. Л. Бюргер подробно доложил об итогах финансово-хозяйственной деятельности за истекший год. Особенно бурные прения вызвал один пункт штатного расписания.

Скромный, застенчивый Макс задал крамольный вопрос: — Зачем нужен заместитель главного редактора при таком штате? Я ничего не имею против него лично,— улыбнулся Макс.— Он такой же художник, как и все мы. Пусть и работает художником.

Божемир, или коротко Божа, Кос — невысокий худощавый, очень живой, энергичный мужчина средних лет, сам талантливый художник-карикатурист, стал горячо доказывать, что просто нелепо кого-либо называть главным, если у него нет заместителя, тем более при всевозрастающей роли сатиры в современном мире...

Вопрос поставили на голосование. Прошло предложение сохранить в штатном расписании ставку заместителя главного редактора. «За» проголосовали двое — сам главный редактор и его заместитель, один был против — Макс. Остальные воздержались.

— Вот для чего и нужен заместитель,— шутливо резюмировал Макс.— Он всегда поддержит своего непосредственного начальника.

Таким же демократическим путем мы решаем и другие творческие и финансовые вопросы.— Л. Бюргер улыбнулся.— Правда, случается и так, что я остаюсь в меньшинстве.

...Впереди было два дня отдыха. В субботнее утро мы с Максом отправились на его малолитражке в район Словенских Альп.

Первую остановку мы сделали у знаменитого озера Блед, поднявшись наверх к старинному монастырю.

«Нет, не зря шахматисты так любят проводить здесь свои международные турниры,— подумал я.— В такой благодатной тишине и первозданной чистоте даже жалкий третьеразрядник и тот, верно, сумеет сыграть на уровне кандидата в мастера...»

Вторую остановку сделали возле озера, расположенного у самого подножия Альп. В синем хрустале воды чуть покачивалось четкое отражение отвесной коричнево-сиреневой стены и голубое небо с белыми подушками облаков, видна была каждая иголочка на отражениях сосен и елей.

Отсюда вместе с несколькими лыжниками мы взлетели в вагончике канатной дороги вверх еще на 1800 метров.

Горы были как горы: безмолвно величественные и терпеливо снисходительные к маленьким человечкам, похожим издалика на разноцветных муравьев, скользящих на лыжах.

Снег сверкал и искрился, словно улыбка белозубой красавицы.

Мне тоже, конечно, очень захотелось лихо промчаться по снежному склону мимо какой-нибудь стройной лыжницы и приветственно махнуть ей рукой в обмен на ее благосклонный взгляд. Но... благоразумие и осторожность взяли верх, и я отказался от этой рискованной затеи, сославшись на то, что больше уважаю конный, а не лыжный спорт.

До сих пор, едва я закрою глаза и представлю ту отвесную стену, которой открывалась высокогорная снежная долина, у меня мурашки бегают по коже.

В целях самоутверждения мы с Максом тем не менее поднялись, утопая по колени в снегу, на одно из ближайших возвышений и, приняв приличествующие случаю позы, некоторое время молча обозревали простирившиеся далеко окрест снеговые вершины.

После этой прогулки обед в уютном ресторане показался просто божественным, а закат солнца после обеда — прямо-таки фантастически прекрасным. (Как я не раз убеждался, закаты в горах лучше всего воспринимаются на сытый желудок.)

Потом был быстрый спуск в вагончике с головокружительной высоты в темную бездну. Бешеная езда сквозь ночь по бесконечным зигзагам шоссе.

Очевидно, во всем на свете есть своя критическая точка, которую нельзя переступать. Возможно, мы переступили ее всего на один сантиметр или даже миллиметр, вдруг зазвучали угрожающий треск, скрип, тарыхтение, и Макс поспешно остановил машину. Было очень темно и одиноко.

Мимо нас с зажженными фонарями проносились на бешеной скорости автомашины самых разных марок.

— Очевидно, они принимают нас за ночных разбойников, — предположил я.

— Я не думаю, — возразил Макс. — Скорей всего они спешат к своим очагам. Пойдем к бензозаправочной станции, это почти рядом.

Пока Макс как член клуба автомобилистов вызывал по телефону своего линейного автомеханика, я разговорился с шефом бензозаправочной станции Штефаном Вохинцем.

— Мой брат был в Москве и Ленинграде, — с явной гордостью сообщил он по-русски. — Говорит — здорово. Выпейте вина...

— Большое спасибо. Я, видите ли, не пью... Член общества, так сказать, трезвенников...

— У вас уже есть такое общество?

— Нет, еще нет. Просто так говорится...

— Ну, раз еще нет, выпейте стаканчик...

— Спасибо. Если вы так хотите, я выпью немного воды...

— А я был партизаном. Мне было всего семнадцать лет...

Пожалуйста, это очень хорошее вино.

— Я вам верю и так. Ну, хорошо, не будем больше спорить — за ваше здоровье...

Мне вспомнился непьющий Макс, прилетевший из Тбилиси в Москву. Когда я встретил его на аэродроме, он томно улыбнулся и сказал:

— О, Георгий! Я еще никогда в жизни не пил столько вина...

Утром следующего дня я мчался уже в машине Божя Коса вместе с его маленьким семейством — супругой и двенадцатилетним сыном Микой совсем в другую сторону от Люблян — к знаменитой Постоянской яме — одному из чудес света. Эта яма, а вернее, карстовые пещеры расположены на севере Словении на границе с Италией. Общая длина переходов, залов, галерей, гротов равна двадцати трем километрам.

Сравнить их красоту с чем-либо просто невозможно. Это — настоящее подземное царство. Впечатление усиливают умелые световые эффекты. Один из служителей время от времени забегал вперед и включал прожекторы и подсветку.

Под ногами внизу глухо шумела речушка, проложившая все эти проходы. По дну маленького искусственного бассейна лазили, цепляясь за камешки ручками-лапками, уникальные безглазые рыбешки-протеи. Речушка, протекающая через Постоянские пещеры, единственное в мире место, где они водятся.

В одной из бесчисленных галерей мы перешли по мостику, который носит название «Русский мостик». Его построили во время войны советские военнопленные. Немцы устроили в Постоянской яме хранилище бензина. Партизаны сумели пробраться к нему через лабиринт галерей с другого потайного хода и подожгли бочки с горючим.

До сих пор несколько сот метров прокопченных стен напоминают об огромном подземном пожаре.

Обедали мы в уютном ресторанчике в деревне Хрушевица. Стены его были увешаны многокрасочными картинами беспредметной живописи, что отнюдь не повлияло на наш отличный аппетит. Перед едой состоялся примерно следующий обмен репликами:

Божа Кос: Вы любите першт? Это такие ломтики копченого мяса...

Я (с готовностью): Да, очень люблю...

Супруга Коса: А вам нравится спагетти по-болонски?

Я: Обожаю спагетти в каком угодно виде, а по-болонски особенно...

Миха Кос (с явным интересом): А вы любите суп?

Я: Да, конечно...

Супруга Коса: Вы хотите жареное мясо?

Я (глотаю слюнки): Безусловно...

Божа Кос: К этой закуске и к мясу мы возьмем Терран. Это очень вкусное вино. Вы не возражаете?

Я (поспешно): Ну что вы? Что вы?! Как можно?!

После обеда мы отправились в Любляны.

Божа Кос мастерски вел машину — моментами стрелка спидометра дрожала на цифре 150. У деревушки Крапива прямо перед носом машины рыжей молнией пронеслась молодая косуля. Все решилось в ту долю секунды, в которую Божа успел притормозить. Довольный, он обернул к нам свое улыбающееся лицо.

— А я и людей люблю, хотя и работаю в сатирическом журнале.

Закончив дела в Люблянах, я выехал в Дубровник. Автобус отходил в 23 часа.

— Хотел бы я знать, кто окажется твоим соседом... — задумчиво произнес Макс. — Это очень важно для хорошего настроения в пути...

— Да, конечно! — поддакнул я. — На этот раз, надеюсь, мне повезет. (Те, кому часто приходится ездить в командировки, поймут меня!)

Моей соседкой оказалась почтенная седая дама. Я не сетовал на судьбу, ибо давно привык к ее мелким и крупным ударам.

Мы проехали с севера на юг по самой кромке Адриатического моря. Моя попутчица выходила на каждой остановке подышать свежим воздухом, а едва автобус трогался, тотчас закуривала крепчайшие сигареты. Когда она не курила, то спала, привалившись головой к моему плечу.

И все равно это была чудесная поездка.

В Москве была зима, а в Дубровнике у автобусной остановки лежала с широко раскрытой пастью, высунув от жары язык, собака и тяжело дышала. Цвели розовые кусты, и зеленые ман-

дариновые деревья были, как на картинке, усеяны желтыми плодами. Кактусы важно восседали тугими листьями-стрелами на камешных кручах. У журчащего фонтана в центре старого города туда-сюда двигались стайки молодежи.

Здесь я встретился со своим коллегой из Москвы — он уже сутки жил в Дубровнике и чувствовал себя аборигеном.

Можно было бы рассказать, как мы бродили и ездили по старой крепости Дубровника и его окрестностям — этой настоящей жемчужине культурных связей, как угощали молодых американцев каспийской килькой, а они со страхом и сомнением держали ее в вытянутых руках, пока не разобрались что к чему, как мы попытались разбавить в воде таблетки с надписью «сухой джин», оказавшиеся обыкновенными конфетами, как ездили в гости к старому партизану.

Многие югославы свободно владеют русским языком. И в этом им помогает то, что югославский и русский языки имеют общую языковую праматерь. Случались, правда, и маленькие недоразумения.

Когда мы обсуждали в редакции «Павлихи» вопрос о тиражах, Макс дружески подмигнул мне:

— Имеете блат?

— Ну что ты, Макс? Какой может быть блат в нашем деле? Была бы бумага...

— А я о чем говорю? — засмеялся Макс. — Имеете блат? То есть бумагу...

Прощаясь, югославские товарищи каждый раз вежливо говорили по-русски: «Здравствуйте!», а мы отвечали: «До свидания!»

Потом выяснилось, что «Здравствуйте» на языках народов Югославии значит то же, что и наше «До свидания!».

Вот почему, покидая Югославию, мы на прощание с добрым чувством оказали: «Здравствуй, Югославия!»

ПОЕЗДКА С ЭРУДИТОМ

Наша малолитражка рванула с места и, оставляя за собой голубой шлейф, помчалась из Белграда со скоростью антилопы, убегающей от тигра. Я посмотрел на спидометр и пожалел, что не застраховал свою жизнь.

Лента шоссе стремительно скользила под колеса машины. Мимо пронеслись скошенные пшеничные поля, окрашенные желтизной осени холмы, коровы, стога сена, живописные рощи... Йован с бесстрастным лицом суперковбоя прибавлял скорость. Солнце скрылось за тучу. Мне уже казалось, что мы не едем, а летим по воздуху.

— Йован! — воскликнул я. — Осторожность никогда никому не мешала, даже великим полководцам. Тише едешь, дальше...

— Не бойся. Доедем! Нашим попутчиком будет лишь ветер.— Он с улыбкой глянул на меня.— Даю гарантию, мы ни разу не остановимся до самого побережья.

О мой друг Йован! Как уверенно произнес он эти слова. Он еще не знал, что, вернсе КТО ждет нас за ближайшим же поворотом. Как часто жизнь вносит самые неожиданные поправки в наши планы. Да, там у обочины шоссе стояла Она. Молодая, стройная, как тополек, загоревшая девушка с прекрасным лицом, на котором сверкали, нет, божественно сияли карие глаза. Рядом с ней стоял вихрастый рыжий мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. Милосердие всегда было свойственно истинным гуманистам. Йован резко затормозил и, пробормотав: «О, мадонна!»— решительно, как выходят только навстречу своей судьбе, вышел из машины.

— Добар дан!— улыбнулась девушка, и нам показалось, что солнце вновь вынырнуло из-за тучи.— Меня зовут Живица.

— Садитесь.— Йован рыцарским жестом открыл дверцу.

Мы оба заулыбались, прямо на глазах помолодели.

— Несносный чертенок. Все-таки увязался за мной. Ведь я запретила тебе выходить из дому,— сердито говорила Живица.

— Я знаю все об этой дороге и хочу наконец увидеть ее своими глазами,— сказал мальчик.— Каждого влечет его страсть.

Оказалось, Живица работает в одной из молодежных бригад на строительстве железной дороги Белград—Бар, связывающей столицу Югославии с ее самым южным портом на Адриатике. Приехала домой в короткий отпуск, и, конечно же, младший брат потребовал, чтобы она взяла его с собой хотя бы на несколько дней.

— Как тебя зовут? — обернувшись, спросил я.

— Еретик,— ответил мальчик.

Живица рассмеялась, потрепала рыжие кудри мальчика.

— Его имя Милан. Он очень эрудированный, но всегда во всем сомневается, вот я и прозвала его Еретиком.

— Узнаю по когтям льва,— улыбнулся Йован и лукаво подмигнул в мою сторону: — А ты, Милан, любишь быструю езду?

— А кто не любит?! — хмыкнул Милан.

И мы рванули. Бог мой, как мы мчались!

Долина кончилась, начинались Балканские горы. Вершины громоздились одна на другую, машина, как ласточка, петляя, взбиралась все выше, все ближе и ближе к голубому небесному своду, стремительно перелетала долины, перепрыгивала пропасти и синие до рези в глазах горные озера с отражениями крутых зубчатых белых скал и пышнокронных по-осеннему красных и желтых деревьев.

Милан подзадоривал Йована:

— Быстрой, еще быстрее.

Иован вновь виртуозно повел машину. Скажу честно: если мы и остались живы, то только благодаря его мастерству и дьявольскому везению. У меня все реже ёкало сердце при каждом резком повороте на бешеной скорости, когда того и гляди на вираже слетишь в пропасть. Появлялась привычка к опасности. У въезда в небольшой городок нас остановил инспектор. Он взял под козырек и сухо назвал сумму штрафа за превышение скорости: «100 динаров». Иован молча протянул ему красную купюру.

— Ха-ха-ха! — нервно засмеялся я. Я понадеялся, что хоть штраф его образумит. — Почему же ты не спорил, не возмущался, не сказал ему, что хочешь обогнать ветер? А вместо этого выстилаешь путь от Белграда до моря сотенными банкнотами.

— Успокойся! — строго сказал Милан. — Не то высадим из машины.

Машина понеслась по самой кромке отвесной горы вдоль каньона. Внизу бурлила горная река, над нами нависали огромные скалы.

Между тем мы уже пересекали неповторимый Златы Бор — прекраснейший уголок Сербии. Мягкие линии холмов, уютные горные долины, зеленые чащи лесов и роц, стада барашков, аккуратные деревушки — все дышало тишиной, миром и покоем.

Дорога к Бару, самому южному порту Югославии, бежала мимо оливковых плантаций, живописных развалин древних замков и крепостей, крохотных бухт и заливов с километровыми пляжами из розовой гальки и желтого песка, живописных островков и скал, омываемых прозрачной зеленой водой, величественных пиний и пальм.

Устроившись в гостинице, мы отправились на прогулку. Бродили по узким мощенным камнем улочкам, круто взмывающим вверх, по набережной вдоль древних городских стен, любовались домами, площадями, памятниками, дышали соленым морским воздухом. С тихим шелестом вкатывались волны на вогнутый овал залива. Море искрилось и звенело тысячами солнечных чешуек. С трех сторон залив обступили скалистые горы. В воздухе был разлит тонкий лимонный свет. Он постепенно густел, становился лиловым, фиолетовым. Солнце упало за гору, и небосклон запольхал багряно-красным пожаром. Быстро стемнело. На черной саже неба яркими жемчужинками заблестели звезды.

Мы отправились ужинать. Юный официант с быстрыми мягкими движениями боксера сервировал стол. Весь ужин Живица оживленно говорила с Иованом. У них оказались удивительно общими взгляды на многие важные проблемы, касающиеся главным образом роли семьи в современном мире. Кто не знает, как приятно провести вечер за отличным ужином с бутылкой доброго ви-

на в обществе очаровательной брюнетки, которая не сводит с вас дружелюбно-ласкового взгляда.

— Просто замечательно, Живица, что вы отправились в эту поездку не автобусом, а с автостопом,— сказал Йован. — Больше всего я ценю в женщинах смелость.

Живица одарила Йована признательной улыбкой.

— Так я ему и поверил,— с иронией пробормотал Милан. Скосив глаза на яркое красное пятно абстрактной картины, он буркнул, что это ему нравится, так как напоминает хороший кусок мяса. Оказалось, он совсем неплохо разбирается в поп-искусстве.

— Не хуже и не лучше, чем все другие,— заметил мальчик, пожав плечами.— А что, собственно, понимают в этом все другие?

После ужина мы пожелали Живице спокойной ночи и отправились в свой трехместный номер. Едва мы уснули, как раздалось пронзительно-тонкое гудение. Прямо на нас, словно эскадрилья «мессершмиттов», назойливо пикировали комары. Их укусы были похожи на укусы ядовитых кобр. Мы пробовали отбиваться от них подушками, но, увы... Утро застало нас с Йованом спящими под кроватями, завернутыми, словно египетские мумии, с головой в одеяла. На своей кровати, блаженно развалившись, спал Эрудит.

Он открыл глаза, смачно потянулся, с насмешкой сказал:

— Эх, вы, тонкокожие, одного комарика испугались...

Как одного?! Мы с Йованом бросились осматривать стены и потолок. И действительно в самом центре потолка величаво сидел один-единственный комар и нагло смотрел на нас. Я без лишних слов прихлопнул его газетой.

— Ну, конечно же, кровная месть,— проворчал Эрудит.— Разве нельзя было обойтись без этого?..

После завтрака мы тепло распрощались с Живицей и Еретиком. Путь наш лежал в Тьентиште — место легендарной битвы югославских партизан с фашистами. Машина легко и стремительно понеслась по живописным дорогам Далмации.

— А ты знаешь,— сказал Йован,— мне кажется, это была самая удачная поездка в моей жизни.

— Да, как ни странно, мы действительно доехали. Или ты имеешь в виду знакомство с Эрудитом? — лукаво спросил я. Йован ничего не ответил, лишь улыбнулся и прибавил газу...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Художники-крокодилыцы	2
Кукрыничисы	6
Рисует Борис Ефимов	7
Высота смеха	9
Этот неугомонный Самойлов	12
Веселый выдумщик	14
Егор Горохов отвечает на вопросы	17
Поэт о чувстве юмора...	20

ФЕЛЬЕТОНЫ

Некриминальная история	23
Вирус хамства	31
На языке вышибал	34
Сага о потерянном времени	35
Художественная трепка	37

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

«Здравствуй!» — «До свиданья!»	38
Поездка с Эруднтом	44

ГЕОРГИЙ ОСКАРОВИЧ МАРЧИК

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Редактор А. В. ГОЛУБ.

Техн. редактор С. М. Байсборд.

Сдано в набор 16.10.78 г. Подписано к печати 15.01.79.
А 07803. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,09. Тираж 75 000. Изд. № 2968
Заказ № 2974. Цена 70 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24

Цена 20 коп.
ИНДЕКС 72996

